

НОВЫЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

Вагим ДЕНИСОВ

ПУТЬ НА КРИСТУ
НОВИЧОК

Вадим В. Денисов
Путь на Кресту. Новичок
Серия «Путь на Кресту», книга 2

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8230268

Денисов, Вадим. Путь на Кресту. Новичок : фантастический роман:

Эксмо; Москва; 2014

ISBN 978-5-699-74713-9

Аннотация

Русский инженер Дарий Квачин отлично экипировался для осенней рыбалки и охоты на Енисее. Предусмотрел буквально все, вплоть до тепловизора. Единственное, чего не предусмотрел Квачин, что в пылу погони за дикими утками он провалится вместе с лодкой и всей экипировкой... в загадочное место, где мутные воды незнакомой реки пересекают тропические джунгли. Квачин не строил иллюзий, он понимал, что никакие земные силы не способны на такой трюк. Опытный человек, оказавшись в трудной ситуации, рассчитывает только на себя, но все же Квачин почувствовал себя увереннее, когда узнал, что в жарком мире планеты Креста он не единственный попаданец с Земли...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	47
Глава 3	85
Конец ознакомительного фрагмента.	124

Вадим Денисов

Путь на Кресту. Новичок

© Денисов В., 2014

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 1

Странный крест. О непредсказуемости северной рыбалки

Первым делом я утопил лодочный мотор.

Умный человек спустит лодку в притоке, где есть нормальный подход к воде.

Человек нетерпеливый и, соответственно, интеллектом не блещущий, какого-то лешего пойдёт на топкий берег Енисея. Признаю, объективная причина была – лодка стояла там, где её и сбросили с судна на воду. Просто в уютную гавань заводить не захотел, поленился.

А там натуральные зыбучие пески, серая манная каша. Чуть остановишься – сразу вязнешь на полсапога... В этом плане место для зимовья выбрано несколько неудачно, лучше выбирать так, чтобы на берегу был галечник. Однако владельцы объекта на самом деле всё предусмотрели, поставив избу именно на небольшом притоке, в длинном устье, где вполне можно управляться с лодкой легко и комфортно. И ветер не долбит, и шторма не беспокоят, а они в низовьях Енисея порой просто пугающие, безнадёжные... Только вот некоторым заезжим отчего-то придумалось, что по ру-

чью-притоку будет неудобно спускаться к большой воде.

На берегу великой реки лежали старые дощатые стлани, я и купился, решив собрать аппарат именно там.

Лодку закрепил, пошёл за мотором. А тридцатисильный двухцилиндровый «Меркурий» весит больше пятидесяти килограммов, такие моторы вообще в одиночку таскать не рекомендуется... Когда с матами дотянул его к берегу, силы уже кончились. На последних сантиметрах нога предательски дрогнула на скользком и слетела с доски, соседняя доска встала дыбом – я поскользнулся и лёг на корму лодки спиной, сдвинув её в воду. Трос, привязанный к огромной сосне, почти полностью зарывшейся в мокрый песок пляжа, натянулся струной. Уже понимая, что сейчас произойдёт, попытался вывернуться, не сумел и рухнул в воду вместе с подвесником.

Испугался так, что, не размышляя, опустил руки и чисто на адреналине выдернул мотор наверх. Левый сапог ушёл в грязь, легко не вытащишь.

– Мало в детстве пороли, – только и смог прохрипеть.

Как я дотянул подвесник до базы – отдельная страдальческая история.

И пошла веселуха до одури.

Побыстрее вывернуть свечи, слить воду, сбрызнуть полости топливной смесью. Всю электрику – на просушку. Завёл генератор, поставил тепловуху, запалил печь.

Мысль в голове одна: «Останешься без мотора, и тебе ха-

на, сгоришь от тоски. Прощай, рыбалка! Будешь сидеть в зимовье, пока не вернётся теплоход».

Торопился, стараясь изо всех сил всё делать быстро.

Пока агрегат сушился, ходил на берег. А сапога уже и нет! Втянуло, падла!

Отправился за лопатой, мозговой ёмкости взять сразу не хватило... Переоделся в сухое, и за работу. Вот так целые сутки и веселился.

Потом поставил мотор на бочку с водой, не с первого раза, но запустил. Опять пошёл на берег, кое-как отвязал трос и бережком же, аки бурлак, потянул «Каймана» в приток. Так дураки и учатся.

Резиновых сапог, считай, что и не было – на какой хрен мне один левый надевать?

Первый раз я побывал на зимовье в апреле.

Шли от самого Норильска, довольно быстро и без всяких приключений в пути. На шарнирно-сочленённом вездеходе «Ермак», два модуля на гусеницах. Сначала по зимнику вдоль линий ЛЭП, что идут к промышленному гиганту цветной металлургии от всего каскада гидроэлектростанций, в Игарке подзаправились, и дальше. Какое-то время катили вдоль берега, оказывается, в этих местах до сих пор остались старинные просеки. Местные про них знают, порой пользуются. Потом спустились на лёд Енисея.

Доехали быстро. Славно мы тогда поохотились, да и порыбачили тоже.

Сейчас поехал один, поздним летом или ранней осенью, это уж кому как удобно. Рассчитывал полторы недели провести в полном одиночестве, занимаясь нормальной браконьерской деятельностью. Нет, не за осетром прибыл, вылов которого категорически запрещён. Я очень холодно отношусь к чёрной икре, для меня она всегда пахнет болотом, даже в самом дорогом варианте. Да и саму осетрину не люблю, не моё, я вообще больше по мясу в приколе. Поехал за огромными легендарными рыбами – нельмой и тайменем.

Понимаю, что мне мало кто поверит, однако повторю: по рыбе ни разу не фанат. В банальном кулинарном смысле. Мне сам процесс важен, азартен, что на рыбалку, что на охоту. Основной улов вообще придётся выпускать – куда мне столько? Вовек не употребить. Хотя маленькую сетку-кормилицу взял, закон Севера. Мелкая по местным меркам рыбёшка на сковороде в сухариках – это нормально, годится. Взял, сколько надо, и успокоился, не безобразничаешь.

Пока на реке стоят хорошие погоды, надо отдыхать здесь. Отпуск длинный, хватит на всё. Начнутся похолодания, соберу манатки и дёрну на юг, в Испанию или Италию. Даже скорей в Италию, там кухня интересней.

Провозившись с лодкой и мотором до самого вечера, наконец, поставил лодку на ход и успокоился. Пошёл в избу.

Немного водки есть, чисто на всякий случай, не люблю. Я уважаю красное полусладкое, вот нравится, и плевать на оценки искушённых. Подогрел себе целую бутылку в боль-

шой кружке, раздавил туда по три крупные лесные ягоды разных сортов, чуть поперчил, и вперёд, на крылечке, видами любоваться и душой отдыхать. Обзор отличный, а тебя не видно.

На этот раз меня привёз небольшой теплоходик, точнее, разъездной буксир типа «Ярославец» под названием «Матрос Каргополов», к своему стыду так и не успел спросить, что за мужик был. Ехали хорошо, много болтали, изредка пили.

В тайгу, которая в этом месте больше похожа на лесотундру, ещё ни разу не ходил. Да и не хочется, если честно. Вдоль ручья – низины. Недавно прошли обильные дожди, не разбежишься, тяжело ходить по кочковатому топкому берегу. Провалиться не провалишься, но поверхностная вода, неспособная проникнуть в грунт через броню мерзлоты, пропитывает всё вокруг, и это сильно затрудняет передвижение. На высотах посуше, там ветерок, гнуса нет и глазам радостней. Но никуда не денешься, спустишься – вся поверхность так и размечена: озеро-низина-холм... За спиной у меня холм.

Терпкий горячий напиток пошёл на ура. Я сидел и задумчиво смотрел на чёрную воду четырёхметровой ширины ручья. Глубина непонятна, качество дна тоже. Да и вообще жутковато как-то выглядит, колдовское что-то... Если же вспомнить о температуре этой воды, то получалось вообще не в кайф. Мне совершенно не улыбалось лезть в мерзлую пучину. Впредь буду осторожней: мотор не снимать, на ме-

ли не лезть, винты беречь! Хотя есть два запасных, один из которых тоже скоростной, другой – грузовой.

Пусто на берегу Енисея.

Ни дымка, ни огонька.

А ведь когда-то здесь жили люди... Сейчас же почти все зимовья и деревни низовий заброшены. Зато много непуганого зверя и неловленной рыбы.

Таймень, как мне сказали, проходит прямо вдоль берега. Надо опробовать и противоположный берег, тоже перспективно. Слева от меня, выше по течению, за поворотом, Енисей расширяется. Интересное место присмотрел ещё зимой, никому не рассказал. Теперь намерен обследовать. Во время подготовки нашёл старые карты и обнаружил, что некогда в том месте стояла деревенька Старая Курья, по воспоминаниям живших в округе ссыльных анархистов, славящаяся рыбными местами. Сидельцев тут хватало и до революции, и после неё.

Когда стемнело посильней, мне стало скучно, и я решил подняться на холм. Надел высокотехнологичные ботинки, мои спасители после пропажи сапога, попрыгал. Лёгкие какие-то... Нет, так не пойдёт, надо утром брать лопату и попытаться отрыть.

Сел на холме и прибалдел.

Передо мной во всей своей красе распахнулся вид на воды великой северной реки.

Горизонты улетели так далеко, что казалось, километров

в пятьдесят радиусом всё пространство видно. Тёмно-синее небо, ничуть не похожее на поэтическую опрокинутую чашу, у земли рябило редкими остатками тепловых миражей, скоро всё остынет, и они пропадут. Чуть змеились призрачные смерчки сгруппировавшейся в семейства мошки, в конце сезона перешедшей на растительный корм. Местность тут, как я уже говорил, слегка холмистая, покрытая пятнами больших и малых озёр в обрамлении таёжных перелесков. Чтобы оценить всё величие Енисея, надо смотреть на него с верхних точек, с поверхности воды не видно и мало-го. Вниманию редкого визитёра предлагается другая красота – красота бескрайнего открытого простора. Здесь царит настоящая северная свобода, честная, как тундра, изрезанная причудливыми змейками речек и ручьёв. Бескрайняя и зовущая, в которой сразу же начинаешь чувствовать себя либо ненормальным отшельником, либо кочевником-аферистом. Наверное, это зависит от внутренних установок, воспитания, генетических предрасположенностей.

Вдали, между возвышенностями, проблёскивало озеро покрупней, обязательно схожу туда со спиннингом, в таких и водятся гигантские щуки. А щуку всегда интересно тащить, боевая рыба, стойкая на драку. Слева, подходя к избе, змеилась ручей Каменный. А ещё отсюда видны белые силуэты самоходной баржи и катера у противоположного берега. Вниз идут.

Барж на реке много, северный завоз.

Химия работала, я уже закосел, захотелось спеть. Ну и затянул любимое батино:

– По ту-ундре, па широкой дор-ро-о-о-ге, где мчит курьерский Воркута – Ленинград!

Певец я тот ещё. Хорошо, что слушателей нет.

Заброшенные берега.

В этих диких краях, некогда обжитых отшельниками или семьями промысловиков, кроме опустевшего жилья изредка попадаете лишь покосившийся могильный крест, хмуро приветствующий путника. Ничего не поделать, налицо безжалостная логика развития и упадка, циклические процессы... Было время, когда по Енисею рулил Енисейск – удобно стоял городок. И всех всё устраивало. Но потом царь-батюшка решил учинить на юге края железную дорогу, протянули её достаточно споро, ибо даёшь Транссиб. Естественно, вспучился посёлок, стоявший на перекрёстке двух магистралей: Енисея и железнодорожной артерии. И возник Красноярск – столица края. И зажил Красноярск широко, медово и вольготно, ибо в размере своём подвластная территория более никому на планете не снилась, охренеть, как много. Что тут мог Енисейск поделать? Ничего. Только лоббировать, но в те времена это было сделать гораздо сложнее, чем сейчас. В какой-то момент сама госпожа Действительность говорит людям: «Ваша миссия выполнена, можете уходить». И люди уходят.

Не согласны? Жители Детройта, между прочим, тоже бы-

ли не согласны.

Немного жутковато вот так сидеть, одному.

А я смелый? Пёс его знает, вроде не жаловался. Не из робких, в общем.

Потому и не пригнулся, когда стая уток с характерным свистом крыльев чуть не срезала мне волосы на голове. Даже успел схватить лежащее рядом ружье, браунинговский «Голд Фьюжн». Да уже бесполезно. Ага! Сейчас начнут летать.

– И что ты с ними делать будешь в темноте? Кривой, как сабля.

Ёлки, я же ничего не рассказал о себе! Исправляем.

Меня зовут Дарий Квачин. Хватит ржать, меня это не веселит лет двадцать, с тех пор, как осознал размер подложенной свиньи... Угораздило же родиться в тот самый момент, когда в стране возникла мода на экзотику в именах. Демиды всякие, Прохоры, Потапы и Феокисты! Папаша на старости лет увлёкся историей, видите ли, вот и проштамповал. Припечатал. Так что лучше просто Дар, и я не буду обижаться. Чёрные волосы, выпуклые скулы, острые черты. Может, предки действительно из ближневосточных краёв вышли?

И ещё, Дарт Вейдер – это уже было.

Мне двадцать восемь, высшее, служил, не женат, работаю.

Работаю в горной компании, старшим инженером техотдела рудника со скорой перспективой стать начальником отдела. Страдаю очень. Ну, вы знаете, как тяжело работать, ко-

гда в начальниках завелись идиоты. Причём далеко не все, это необязательно для страданий. Стоит завестись одному идиоту, взятому Верховными из соображений политических или поставленных на передержку... Особенно в технической области, когда ты вскоре начинаешь воспринимать его как настоящего врага и саботажника. Вредителя.

Ещё одна стая пролетела, всего-то метров пятнадцать левей...

Стрелять глупо. Да и сидеть устал.

– Пошли-ка в избу, пока до краёв не вштырило, – сказал сам себе.

Сказал и сделал, невелик подвиг.

...Утром я собирался недолго, ибо подготовился с вечера.

Ничего необычного, всё отработано. Однако, поскольку это важно, опишу подробнее. Рейдовый комплект одушевлённое-неодушевлённое выглядел так:

Лодка.

В лодке что важно? Надежность и безопасность, хорошие ходовые качества, достаточная грузоподъёмность. У меня RIB-лодка «Кайман N-450A» с надувным баллоном повышенного диаметра и алюминиевым дном из Амг-5 с V-образными килеватыми обводами. Баллон из ПВХ серого цвета – съёмный, на зиму я его скидываю, чтобы не мешал в гараже. Баллоны фактически работают только в водоизмещающем режиме, на скорости лодка идет на глиссировании. Я ведь один иду, веса мало.

Есть встроенная помпа для откачки воды, это очень важно, под ногами не хлюпает, особенно когда ты без сапог. Да-да, подумав, от экспериментов со старательством на зыбучих песках я решил отказаться... Алюминиевый корпус, так же, как баллон, конструктивно является замкнутым водоизмещающим объёмом, а это максимально повышает живучесть мальчика. Я катаюсь с дистанционным управлением, у румпеля не сижу. Рулевая колонка впереди справа, под ветрозащитным оргстеклом. Две двухместные банки. Насос для накачки баллона. Можно установить съёмный тент-палатку, пока что она сложена, дождя ничего не предвещает. Под палубой – дополнительный топливный бак на восемьдесят литров готовой смеси, полный. Багор и два весла закреплены на бортах. Модель проверенная, принята на вооружение МЧС и ФСБ. Есть оранжевый пластиковый бак на двадцать четыре литра – брать его или не брать, думал до последнего момента. В итоге взял, о чём впоследствии ни разу не пожалел.

Бортовой эхолот и GPS-навигатор. Маленький носимый трансивер «Иесу» позволит закричать «караул!», если рядом будут суда, дальность действия небольшая. Аппарат сканирующий. Биноколь. Тепловизор-монокуляр, не очень дорогой, но качественный. Батареи прибор жрёт как бешеный, потому элементы пока вынуты.

Сумка с инструментом и ремкомплект. Там же лежит маленький топорик.

Подвесной котелок и кружка. Мини-печка, газовая, к ней

– два небольших баллона с широким донцем, так, на всякий случай, готовить, если придётся, планирую на костре. Девайс «ложка-вилка-нож». Фонарь. Баллистол – универсальное средство для обслуживания оружия и заживления ран. Аптечка.

Спиннинг и ящик с раздражающими большинство женщин приبلудами.

Гладкоствольный полуавтомат в пластмассовом кофре и патронташ на тридцать два патрона. Четыре пулевых, в этих краях есть и медведь, и россомаха, и рысь. Картечи в магазине не было, взял шесть патронов с дробью четыре нуля, почти одна холера. Остальные патроны чисто на уточек-гусочек.

На поясе мультитул в кожаном чехле – не традиционный «кожаный человечек», а интересная вещичка от НОКС.

Есть что-то будем? Фактически только то, что добудем. Пакет со специями и солью, их много, но всё лёгкое, не о чем говорить. Белые подсахаренные сухари, солёные ржаные галеты, сублимированная картошка – целый пакет, а вот лук и чеснок свежие, это для ухи или шурпы. Три плитки горького шоколада, грешен, люблю. Бутыль душистого подсолнечного масла. Пакетики «кофе-сахар», чтобы не морочиться, в термосе – горячий. Мешочек с трубкой и адской смесью табака «ароматный плюс самосад». Кое-что по карманам.

Карманов более чем до фига. Одежда традиционная, вполне обычный современный охотничий комплект штаны-куртка. Куртка многослойная, нижняя из полартека,

верхняя из чуть мохнатой мембраны-нешуршайки. На ногах ещё и термобельё, на теле одна футболка. Кепка, тоже камуфлю под дуб.

Обязательно спасательный жилет, все беды начинаются именно тогда, когда поленишься его надеть.

В общем, есть всё, чтобы провести на дальних берегах целый день, а то и ночь.

А вот позавтракал плотно, с запасом.

...В Енисей я выкатился легко и просто, завёлся, покрутился возле берега и, подумав, понёсся на противоположную сторону.

После лютой пробежки по гладкой воде успокоился, огляделся и взялся за самое сладкое – троллинг с перерывом на серии забросов. Настроение замечательное!

На реке пока пусто, ни одного судна. Скоро покажутся караванчики барж.

Людей по берегам нет.

Ветра тоже нет. Воздух чистейший. Как мне этого не хватало всё лето!

Дожди начались две недели назад, и все нормальные люди в Норильске каждый свободный вечер занимаются вентиляцией лёгких. За город выезжают.

Лето было тяжкое, горел весь север Сибири.

Высокая вероятность резких и непредсказуемых изменений привычного бытия отныне очень высока. Угрозы вполне реальны, чтобы это понять, стоит лишь посмотреть в окно.

Пик катастрофы пришёлся на июль, четыре недели обалдевшие от духоты горожане любовались сюрреалистическим небом мутно-желтого цвета, зловещим красным солнцем, будто взятым из пейзажей фильма про апокалипсис. Для кого-то зрелище оказалось тяжёлым чисто психологически, но ведь многим и дышалось с трудом! Перспективы не радуют. Уже системные пожары разрушают экосистему. Леса теперь сами превратились в мощный источник парникового газа, и это подстёгивает процесс глобальной природной истерии.

Слушайте, дышать нечем!

Я всегда с отстранением обывателя смотрел уже привычные репортажи о бесконечных летних пожарах в Европе, Калифорнии, Австралии и прочих африках. Там понятно, жара стоит страшная, всё высохло, только спичку поднеси. Помню, приехал в Грецию отдохнуть, и тут вокруг полыхнуло, вот тебе и курорт... Как люди живут на древних землях Нубии или в Аризонщине среди удушающих жарких ветров и безводных земель, я вообще не понимаю. Отец утверждает, что жара сильно старит человека, и в свои сорок он выглядит, как запятидесятилетний старик, весь в мелких морщинках, с подсаженным сердцем. Но и там люди живут, многие очень даже неплохо.

Раньше проблемы других стран меня не парили, своих хватает. А вот теперь задумался: и до нас докатывается! С уже ожидаемым наступлением жёсткой летней жары в Сибири вспыхнуло всё. В конце июля МЧС отмониторило в крае

тридцать два катастрофических очага на площади восемьдесят тысяч га. Скорость продвижения огня пугающая, по данным спасателей, под пятьдесят тысяч гектаров за сутки. В итоге Таймыр надолго заволокло дымом южных и западных пожаров. Не просто пожаров – гиперкатастроф! Масштаб бедствия – горит весь Красноярский край, от юга до севера, вот что осознаёшь, тщетно пытаешься разглядеть в ядовитом мареве Хараелахские горы... Смрад чужих пожаров тащит к нам. Это, господа, уже не дымка, это – новая атмосфера.

Из космоса зрелище настолько апокалиптическое, что спутник NASA «AQUA» сделал специальные панорамные снимки горячей и задымлённой поверхности края и отдельно выложил их с пометками основных очагов. Дым пригнал на Таймыр редких кровососущих, каких-то треугольных мух и особо мелкую мошку. Впрочем, грызут эти твари как ни в чём не бывало.

Тем временем будущее становится всё страшней и страшней. Даже не хочется заглядывать в день завтрашний. Но приходится. Что будет с растениями, если такая хрень отныне станет ежегодным явлением? Как отреагируют на эти изменения птицы, лишившиеся кормовой базы? Повысится ли кислотность воды в реках и озёрах и что подумает об этом нежная северная рыба? Грибы-то будут? Не случится ли так, что постоянные лесные гиперпожары в последующие годы превратят тонкую северную природу в мёртвую землю? Тем

не менее, пока что Север привычно выручает своими ресурсами весь край. На этот раз – не денежными поступлениями в казну, а холодными ветрами, нудными обложными дождями.

Уже угасло. Но забывать о невесёлых перспективах нельзя. Сибирь, как и леса Амазонки, – лёгкие планеты, побережья бы их... Будем ждать следующего года. Посмотрим.

Первые три часа я провёл отменно.

Огромная щука, неожиданно вцепившаяся в приманку, доставила немало приятных минут. Ну, со взрослой сильной щукой всегда приятно потягаться, это боевой противник. В итоге рыбина ушла, причём вместе с воблером. Поводок стальной, значит, она хитро извернулась и перехватила плетёнку. Достал – ага, так и вышло... Единственное сожаление: теперь она будет болтаться по реке с ярким белым пятном на губе, фиг кого поймает. Дурочка, надо было сдаться и прыгнуть в лодку, всё равно освободил бы и выпустил, куда мне такого монстра! Да и жёсткие они, большие щуки, сухие для жарки, грубоватые для ухи, а без свиного сала и настоящих шучьих котлет не сварганить.

Потом успешно вытащил молодого гольца, большая редкость в этом районе Енисея. Его не отпустил, пойдёт на уху, красавчик.

Сняв накопившийся за безводное знойное лето первичный зуд по вольной рыбалке, я решил отдохнуть.

Неподалёку в воде лежал разлапистый комель огромно-

го кедра, упавшего в воду где-то в среднем течении реки и постепенно перемещённый далеко на север. Верхушка, как всегда, надёжно зарылась в береговой песок, без хорошего шторма не выскочит. Я на самом малом ходу осторожно подкатил вплотную, закрепил репшнур на причудливо изогнутой коряге и отплыл, позволяя течению натянуть трос. Вот тут и постоим в тишине и спокойствии.

Ух! Это просто здорово!

Наслаждение от общения с дикой северной природой было таково, что я невольно поддался самым романтическим мыслям. Сел на банке поудобней, потом встал, подложил под спину для большего комфорта сложенную верхнюю куртку, взял термос, шоколадку и опять откинулся.

Отсутствие дождей перекрыло все традиционные летние пути. К Великим Таймырским озёрам Путоран не пройти. Река Талая обмелела настолько, что не ходили даже лёгкие водомёты, что уж говорить о винтовом маломерном флоте... Все владельцы катеров и лодок оказались запертыми на коротком участке акватории близ города. Базы и балки, раскиданные по берегам огромных озёр, летом так и не дождались своих хозяев. Рыбалка и туризм накрылись, сами знаете чем. А у меня на озере Глубоком дача, ёлки! Хотел в этом году поставить баню-сауну, всё приготовил для заброски, выписал и привёз с материка фирменные окна и двери, бочку огромную... Сейчас вода в проходных реках поднялась, да уже поздно, не успеть, скоро морозы. Вот и решил поехать

сюда. Хорошо, что хоть здесь сладилось. Эти мороки с мотором и профуканные сапоги – тлен.

Мне просто хорошо.

По бокам баллона тихо журчат струи течения. На стремнине поднялась небольшая волна, ничего страшного, вполне допустимо, тем более что никаких признаков грядущей непогоды не видно. В голове тоже побежали мысли-волны. Романтика места заставляла меня и думать романтически. Спеть что ли?

Пусть эти края нравятся не всем. Пусть многие работают на северах лишь до поры.

Мне по-прежнему хорошо, и этого достаточно.

Что сказать остальным? Я в блаженстве прикрыл глаза.

Заполярное время не знает усталости, а течёт всегда особо – с севера на юг.

На невидимой нитке четвёртого измерения повязаны узелки-отметки. Вот время учиться и влюбляться, время работать и отдыхать... Но есть и время принятия главного в северной жизни решения: уезжать или оставаться. Норильское время каждого заставляет делать этот выбор, подвергая испытанию не менее суровому, чем беспощадный северный ветер.

И, что бы вы там ни решили, каким-то чудом услышав то, что я думаю сейчас, остановитесь и оглянитесь возле узелка «время вспомнить».

Вспомните наши зимы. Погодный сумбур ноября, де-

кабрьские затишья и сезон пург перед триумфальным появлением над горой Шмидтихой первого апельсинового солнца. Из тундры налетает метель, и несколько суток с севера несёт снег, крепкий, сухой, похожий на песок. А как прекрасны зимние дни успокоения, когда после долгой выюги серый небосвод начинает проясняться, и луна, похожая на серебряную тарелку, улыбается, глядя на нас. Тогда начинают улыбаться все: люди, город и пёстрая тундра – замерзшие реки и озера образуют причудливые белые узоры, а продуваемые возвышенности создают тёмный фон. Именно это мы видим в иллюминаторе, возвращаясь в Норильск после долгого отпуска в тёплых землях ЮВА или из зимней командировки.

Вспомните наше лето. Это сумасшедшее многоцветье, превращающееся к осени в цветовую мозаику, волнистый горизонт и огромное число озёр, занимающих территорию так плотно, что непонятно, вода или суша тут хозяйствуют? Ах, какие, помнится, были в детстве турбазы! А как мы ездили на Ламу... Сбор грибов под Дудинкой, утка осенью. Если вы не охотник или рыболов, то заплачете только возле трапа. Но зато навзрыд! Если же без охоты и спиннинга ваше сердце рвётся пополам – заплачете ещё раньше, до инфаркта, упаковывая верное снаряжение в контейнер...

Вспомните зимний Норильск. Дневной свет в окнах, выхлопные трубы машин, загнутые повыше, трещины у основания лобового стекла... Тепловые завесы и привычку го-

ворить: «Товарищ, потрите щёки, они у вас белые». Гости допоздна и свой звонок из дома: «Мама, у нас в школе актировка». И повсюду – электрический свет. Говорят, что со спутника нас видно лучше, чем многие крупные города. Вы знаете, что такое «жесткость погоды» и «Праздник Хейро». Вы умеете одеваться так, что не замёрзнете и в Антарктиде, пьянеете от цены авиабилетов и мучительно ожидаете мая.

Вспомните летний Норильск. Не описать эту городскую красоту жителю материка, если вы не художник, нужно самому увидеть незабываемый розово-оранжевый солнечный свет на стенах домов, когда незаходящее летнее светило красит город косыми лучами. И тогда тени становятся столь непривычны взгляду, что возникает полное ощущение открытия нового города. Гуляние по проспекту до трёх ночи, шашлыки навалом, купание в озёрах и байдарки на Хараелахе. Вы знаете слова «балок», «сугудай» и «юкола». С последним снегом вы уже загоревшие, как бешеный курортник, а к последним дождям у вас на руках мозоли от засолки капусты и заготовки грибов.

Вспомните всех норильчан. Каждого из них вы хоть раз, но встречали на улице и подсознательно помните это лицо всю жизнь. Вы готовы помочь ему деньгами в Домодедово или Внушке, вы узнаете их даже в самых маленьких городах и неизбежно создаёте совместно знаменитые норильские общины.

Вся сила Таймыра в его неунывающем народе. И вы – один

их таких людей.

Вспомнили? Решили уехать? Ну, тогда пора. В добрый путь, мы навеки друзья! Что бы вы ни выбрали. Решили остаться? Тогда чего ждёте?

В лодку!

...Я с наслаждением грыз горький шоколад и запивал его ещё горячим кофе.

А теперь трубочку. Дикая смесь, пробивная, самосад мне привезли из Молдавии, он там лучший. Ароматический – из перевалочной страны Голландии, хрен его знает, кто на самом деле его произвёл. Просто интересная добавочка.

За время рыбалки мимо прошли всего две баржи, похоже, сегодня на реке выходной день, непривычно для осени, когда в низовья идёт самый груз.

Уток видел, но далеко.

Зато много гагар, которые никому не нужны. Вот и сейчас парочка, пролетев над водой в метре, как и делают они обычно, уселась неподалёку, с интересом поглядывая на пришельца. Знают, что не трону.

– Хватит пировать, работать надо, – наконец решил я, запустил двигатель и подвинулся поближе к коряге, ослабляя шнур и узел.

Секунда дел, и лодка опять свободна.

Я решил пойти против течения. Там, за поворотом, и находится местечко, где некогда безбедно жила деревенька Старая Курья. Решил подняться, посмотреть. Недалеко от

бывшего поселения есть узкая протока, зимой мне показалось, что интересная. Где-то через километр протока разливается широким вытянутым затоном, а в таких оазисах всегда полно интересной рыбы, там любят отдыхать утки и гуси.

Решено!

На карте навигатора в районе стоят две отметки: место расположения старинной деревни и вход в протоку с интересующим меня затоном. Из принципа решил на монитор не смотреть, для проверки. В былые времена населёнку ставили очень грамотно. Там не должно быть зыбучих песков и болотин, на берегу более твёрдый и надёжный грунт. Возвышенность, спасающая от комаров, и в то же время стена тайги с трёх сторон, закрывающая от ветров шквальных. Выше по течению должен быть ручеёк с чистой водой. Почему-то эти вполне очевидные требования в наше время отвергаются с поразительной лёгкостью.

Высокий обрывистый берег с рощей высоких пихт был виден издалека.

Угадал! Берег надёжный, никакого песка. Пристани, если она была, давным-давно нет. Стлани на тропинке исчезли. Скорее всего, наверх вела деревянная лестница, траверзом по высокому берегу. Да, тут дома не затопит даже в самые разливные года...

Быстро привязав лодку, я пошёл наверх. От лестницы и следов не осталось, а вот тропинка, вырубленная когда-то, сохранилась. Ближе к финишу остановился, по привычке до-

стал бинокль и начал по схеме оглядывать окрестности. Шум мотора на большом расстоянии не услышишь, а знать о приближении чужого плавсредства очень желательно... Шастать по диким краям в одиночку – не гербарий собирать. Известный постулат «Закон – тайга, медведь – прокурор» никто не в силах отменить. Разный народ может попасться на тропе.

Наверху моему взгляду открылась роскошная площадка, где в старые времена и стоял рыбацкий посёлок.

Остался всего один рубленый дом...

И остальные сохранились бы, если бы уже в наше время их не снесли бульдозером на базе «ДТ-75», чей проржавевший остов навеки замер в стороне. Там же – ряд пустых двухсотлитровых бочек. Штук шестьдесят наберётся. Никто не вывозит, бочки с пороком, по-деловому использовать невозможно. Эх, когда ещё сюда доберутся сборщики металлолома...

– Геологоразведка стояла, что ли?

Походив и посмотрев, я решил, что памятник старины зачищали не геологи, а промысловики. Профессиональные наследнички рыбаков из Старой Курьи, так сказать.

Исгажено всё.

Да не, я понимаю, что они не хотели!

Они хотели как лучше! Было громадьё так и не воплощённых планов... Потом что-то пошло не так, а тут два сезона подряд бригады странным образом оказались собраны из дятлов. Что самое страшное, инициативных. А стая дятлов,

как известно, может до смерти задолбить небольшого слона.

Закатали бульдозером под ноль всю территорию. Вот здесь они собирались ставить тёплый ангар для переработки рыбы, может быть, даже консервный мини-заводик. А это генераторная, здоровенный дизель так и не вывезли. А-а! Да у него блок шатуном проломлен!

Да... Потом настало время гасить ссуду, а нечем.

Стандартная история.

В итоге всё снесли до основания, а затем ничего не построили.

Заметил, что аккуратней всего стоят гидрологи. Никакого мусора после себя не оставляют. Выпестованная любовь к рекам и озёрам.

Из профессионального интереса я подошёл к старинной избе. Древняя штука. Дом рублен в лапу, а это весьма определённый исторический период освоения севера. Потрогал руками поверхность дерева, изъеденную морозом и студёными ветрами, солнцем и затяжными осенними дождями. Лиственница устояла, не поддалась векам. Вот только бульдозеру дятлов она ничего противопоставить не могла. Потом поискал погост, он непременно должен быть. Не нашёл, тоже закатали. Надо будет по возвращении навести справки о Старой Курье, место уже не чужое, раз прикоснулся.

Больше промысловики не появлялись, нежилое место отныне никого не интересует.

Я направился к пихтовой роще.

А вот эвенки, они же тунгусы, тут появлялись, и относительно недавно!

Здесь у лесных охотников была удачная охота на медведя, о чём свидетельствовали следы исполнения древнего ритуала. По окончании разделки добычи освобожденную от шкуры голову медведя эвенки отделили от туловища в области третьего шейного позвонка. В раскрытую пасть вставили оструганный деревянный колышек – распорку, а в ноздри – веточки пихты. Это чтобы медведь никого не поймал, колышек мешать будет. Пасть не закроется – человека схватить не сможет, простая житейская логика. Веточки пихты – чтобы медведь не учуял охотника. Там вообще много тонкостей... Подготовленную к захоронению голову медведя необходимо отнести от места разделки добычи метров на пятьдесят в ту сторону, откуда зверь пришел, и установить на пенёк. Голова ориентируется в направлении вероятного обратного следа. На стоящих одно за другим деревьях сделаны затёсы на высоте чуть больше среднего человеческого роста, сколько лет медведю, столько и засечек. Семь, так определили они... Амака увидит свою тропу, по ней пойдёт и оживёт, ничуть не злясь на охотников. Удобно, да?

Посмотрев в последний раз на место исчезнувшей деревни, я выругался – всегда жалко исчезнувшие деревни, и спустился к лодке.

...Вход в протоку был удобный, эхолот показывал достаточную глубину.

Оставил на берегу закидушку на налима, да и поплыл аккуратненько, фарватер не прост. Как это часто бывает, по стремнине идёт небольшой естественный канал, позволяющий опытному человеку пройти без повреждения винта. Здесь, по дну Енисея, тянется отрог горной цепи, некогда слизанной ледником, топей нет. Препятствия встречались, в основном галечные перекаты да иногда шиверы метров по сто, разделенные спокойным быстротоком. Занудные такие шиверки, со слабым падением, ровные берега: ничего особо интересного. Попался всего один слив – слева, ступенькой, меньше чем в полметра.

Лодка с шипением шла вдоль берега, по крутому и длинному повороту речки. Позади оставались размываемые течением кильватерные усы, на виражах похожие на сабли. А вот и мели, осторожней! – из-под корпуса судна по сторонам брызнуло облако мелкой холодной пыли.

В затоне пусто.

Никто не тревожил спокойствие здешней фауны, никто не крался по берегам вдоль широкой полосы спокойной чистой воды. Не дымился костер, не тарахтел генератор. Высокие заросли кустарника надёжно глушили шум проходящих по Енисею судов. Весьма протяжённый залив поворачивал на запад, за невысокую горку, похожую на спящего медведя. Я опустил бинокль, и уже невооруженным глазом осмотрел берег по обе стороны от лодки. Всё спокойно.

Тайменя взял через полчаса.

Ладно, прихвастнул немного. Таймешка на три с половиной килограмма, хотя рыбина сопротивлялась, как вполне взрослая. Потом возле полузатопленного кустарника повоевал со щуками, взял два хвоста, обеих отпустил. Красота! Раз уха, то нужно собрать полный комплект. Скомплектовав поплавковую снасть, довольно быстро натаскал пяток окуней, с неудовольствием представляя, как я их буду чистить.

Такую уху имеет смысл готовить на базе, со всеми удобствами, близится вечер, план выполнен, кайф получен, рыба есть. Да и маловат котелок для освоения всей добычи. Закидушка, как всегда, себя оправдала, средних размеров налим был вытащен на берег. Берём только печень, рыбину оставляем чайкам. Печень трески любите? Никакой разницы, они родственники.

Так же осторожно спустившись в Енисей, я огляделся и замер.

Выше по течению сидела стая уток.

А наваристая шурпа из утиного мяса для меня куда как предпочтительней, чем любая уха. По-хорошему, мне нужно было спрятаться в кустарнике и спокойно дожидаться, когда само течение медленно подгонит стаю под выстрел. Однако азарт не дал сидеть сиднем, я запустил мотор и попытался на малом ходу подойти поближе. Стая заметила и перелетела чуть дальше. Снова пошёл – снова перелетела! Елочки колючие, они надо мной издеваются! Заметив неподалеку ещё две стаи, я возбудился конкретно, нервы не выдержали, и нача-

лось нормальное сафари на высоких скоростях.

Я гонялся вдоль берега, стоя у штурвала с ружьём в левой руке, отчаянно стараясь выйти на дистанцию. «Кайман» на реданах летал за утками, а они – от меня. И ведь не уходят хитрюги. У них тут что, местная столовка? Тяжелые, жирные, вкусные... Самый жор, практически готовы к дальнему перелёту. А взять не могу. Палить на дурку не стал, прошло то время, да и с патронами не густо, тут только начни трагиться, махом останешься без боеприпаса.

Не получается!

Я уже хотел плюнуть, как за спиной раздался характерный присвист крыльев очередной стаи. Оглянулся.

Налетающая стая меня заметила, но сворачивать не стала, чуть взмыв и протягивая подальше вверх по течению. Я выжал газ до упора – «Кайман» дёрнулся, как молодой мустанг, и рванул вперёд. Вот здесь возьму, прямо на посадке.

Оставалось метров семьдесят, я, удерживая штурвал левым локтем, уже вскинул ружьё, выбирая удобный момент.

Тут всё и случилось.

Неожиданно впереди плеснуло сиреневым.

Дальше... Знаете, всё, что я успел заметить, по хронометражу придётся гораздо дольше описывать, чем длилось само событие. «Шаровая молния?» – вот это успел подумать, это точно помню.

Позиция была критически неудобна. Я стоял с ружьём в руке, плохо контролируя лодку.

Всё происходило стремительно, лишь гораздо позже при разборе полётов я смог сложить кирпичики-образы. Надо было бросить ружьё, понадеявшись, что оно упадёт не в воду, а на днище, и надёжно перехватить руль. Сейчас-то понимаю, что мне стало жалко оружие. «Браунинг» – не «Бенелли» или «Беретта», на моделях которых каждая деталь в плане дизайна, сборки и подгонки вылизана с итальянским тщанием и умением. Это ружьё грубее, может быть, чуть брутальней. Нормальный полевой ствол. А я не смог, подсознательно стало жалко. В общем, так и вваливал вперёд на полной скорости, в самой неподходящей стойке, не охотник, а обычный городской лох. Погонять ему вздумалось, в сафари поиграть... Детский сад.

Память подсказывает, что, когда сиреневое мерцание впереди вдруг сформировалось в огромный крест, я похолодел. Всё, что скажу дальше, – более поздний анализ происшествия.

Можно было отвернуть в последний момент? Можно, и лодка, и мотор позволяли заложить самый крутой вираж на полной скорости. Не знаю, кому надо молиться, что я этого не сделал. Ускорение гарантированно выбросило бы меня за борт. Конечно, страховочный шнур, пристёгнутый к спасжилету, сработал бы, останавливая двигатель, и всё же... Это сделано специально, чтобы незадачливый судовладелец не оказался в жутком положении наблюдателя за резво убегающей вдаль лодкой. Однако даже аварийная остановка не

гарантирует спасения в ледяной воде Енисея с его водоворотами. Фокус хорош на спокойной воде, на такой реке ещё не факт, что ты сможешь изловить судно.

Я резко сел, уже не пытаюсь управлять, однако продолжая удерживать бесполезное ружьё в левой руке. В страхе пригнул голову, ожидая удара электроразрядом чудовищной мощности, и резко дёрнул шнур. Жаркий встречный ветерок и – перепадом давления по ушам. Чека выскочила из двигателя, глуша мотор, – так мы и влетели в этот самый крест.

Страшно представить, что было бы, попади я туда один, без лодки.

Приехали...

* * *

Горячий воздух.

Точно, какое-то электричество.

Огромная микроволновая печь, которая через полминуты зажарит меня в сухарь.

Почему так трудно дышать? Не хватает кислорода?

Я, свернувшись в лодке тугой каралечкой, лежал, уткнувшись мордой в рифлёный дюралюминий пола. Глаза открыть страшно. Почему эта чудо-печка не гудит?

Появились звуки. К своему изумлению, я услышал, как плещется вода под килем. Ага, стоим в водоизмещающем режиме... Двигатель не работает. Потом кто-то заорал так, что

я, только решившись открыть глаза и выпрямиться, сжался снова. Что за чёрт, кто может так орать?! «Зенки разуй, Дар, не очкуй, поздно очковать!»

Я немного разлепил веки.

День. Причём день стоит летний, во всяком случае, очень тёплый, и это первая твоя проблема, Дар, ибо по календарю должна быть осень, почти поздняя.

«Плохо всё... Глупо!» – с этой отчаянной мыслью открыл глаза и сел в лодке.

Зелёные листочки. Нет – листья! И их очень много.

Не европейские в принципе. Никакого Енисея нет и в помине.

Подтянулся на локтях, устраивая тело в позу «полусидящий сбитый летчик». Знаешь что, Дар, а ведь это не Енисейский Север. Это вообще не север...

Ушибся сильно? Не понимаю. Вроде бы нет. Глаз дёргается, вот что.

И тут где-то сверху и спереди, словно в смертельном ужасе, кто-то вновь зашёлся в вибрирующем крике, который невозможно передать словами. Сбоку что-то затрещало, тяжело затопотало, крик оборвался, но тут же опять пронзил башку – кошмар! Затем, позади меня, проревел другой зверь. Дикий монстр! Если бы я был уверен, что нахожусь в тайге, то в этом рёве определился бы матёрый загульный лось, и то неоднозначно, что-то не тот голосок. В рёве звенел вызов лесного хозяина, вышедшего на бой с любым, кто

попадётся ему на глаза. Похоже, это не тайга. Дар, это вообще не Россия! Листочки не те в лодке, насекомые не те по баллону ползают.

Не пора ли тебе начать неторопливо осознавать, что случилось, Дар? Надо, брат, надо. В непонятках всегда опасней, манёвра у тебя нет, не понимаешь ты манёвра... Свободы нет! А я человек свободный, любые клетки с детства не люблю, даже канареек и хомячков дома никогда не держал. Что делать теперь, раз влип, надо отлипнуть. Хоть ты в штаны обмочись, никто, кроме тебя, навалившихся проблем не решит.

А в целом как, всё в порядке?

«Прекращай, Дар. Ни хрена оно не в порядке».

Зрение сфокусировалось.

Лодка летела на большой выгнутый сук, нависший над зелёной водой.

На нём сидел трёхцветный попугай размером с хорошего бойцового петуха и орал, как раненый гризли. Правда, я не знаю, как там гризли ревёт, наверное, так же громко... Попугай явно не собирался улетать, намереваясь обороняться до последнего. Птица нахохлилась, крепко вцепившись в сук фэнтезийными когтями. И беспрерывно вопила, хлопая яркими крыльями. Грозные позы принимала!

«Борт пропорю!» – только подумал и тут же рывком сдёрнул с бортовых креплений левое весло.

– Йэх-ха! – я с силой оттолкнулся от нависающего над во-

дой опасного препятствия и сразу начал грести, стараясь отскочить как можно дальше, к стремнине.

Попугай подлетел в воздух, в полёте развернулся и приземлился на качающийся сук уже клювом мне в корму. Захлопал в праведном возмущении, набрал воздух и крикнул так, что мне показалось, будто металл зарезонировал.

– Да иди ты в задницу, петух крашенный! – зло предложил я и уже на двух вёслах начал отгребать еще резвее.

Что это вообще было?

Конечно, на всякий пожарный случай у нас имеется вечная палочка-выручалочка: британские учёные. Якобы есть некие научные работы, недоступные широкой публике, а предназначенные лишь для узкого круга посвящённых. Только... Ох, чую, не у дел тут бритты, здесь всё по-взрослому.

Откуда этот странный запах?!

Вода Енисея не пахнет. Чем чище и холодней, тем меньше запахов. Зелёная вода неизвестной реки, на которую меня вынесло волей Провидения через сиреневого оттенка крест, пахла болотом. Почему? Да потому что это тропическая река, мать её так!

Джунгли кругом, джунгли!

Конечная остановка или промежуточная? Да кто же знает!

Я оглянулся. Косого креста как не бывало.

Замечу, что вопрос о земном происхождении феномена передо мной в принципе не стоял. Он бы и перед вами не

стоял, точно говорю. Вы же хорошо знаете свою среду, место обитания, возможности сообщества... Поэтому при появлении возле себя чего-то по-настоящему нового и необычного способны с ходу решить: а возможно ли такое сотворить земными силами? Нет, скажете вы, невозможно, враньё. Вот и я, представляя возможности родной цивилизации, даже в голову не пускал версию, что всю эту хню организовали земляне. Да она и сама не лезла.

Значит, замешаны силы неземные.

Остаётся корневой, но самый важный в данной ситуации вопрос: разумен ли их носитель или дело тут вселенско-галактическое, что, в конечном итоге, один хрен есть Природа. Перенос чёрт-те куда... Инопланетяне сработали либо какой-то космический феномен включился.

Не, братцы, случись возможность хотя бы выбирать среду, я достаточно быстро смирился бы и принял вариант переноса в среду уютную или хотя бы привычную. Это мы запросто. Порой от воздействия текущей окружающей действительности любому хочется нервно заорать: «Покажите мне форточку туда, сволочи, я готов!» Здесь же не было ни культуры, ни уюта, одни проблемы.

Провалился-таки Дар. Без права выбора. Попал. Охренеть!

Если кому-то из истово верящих во всемогущество Судьбы нужен конкретный и наглядный пример: вот он, перед глазами, списывайте! Вот уж кому не повезло... Нагрешил сверх ме-

ры, угодил в замес? Тоже вариант. «Хорошо, зубы вовремя починил, во сейчас намаялся бы – до срыва планки!». А что, вполне к месту мысль, актуальная. И аппендикс мне шесть лет назад удалили.

Ну что, все готовы, все впитали набросок ситуации, дальше смотрим? Смотрим.

Последующий анализ несколько поменял мои представления о случившемся.

Это какая-то дикая робинзонада на сковородке.

Надо остановиться, переодеться. Сварюсь! Нужно найти безопасное место. В этом у меня опыт есть. Впереди оказался крошечный песчаный островок, без единой травинки, жёлтый пляжик. Лишь какие-то коряги на песке. Я начал вырубивать к нему.

«Ты на эхолот смотреть собираешься?»

– Гадская канитель...

Быстрый взгляд на прибор, изумление – не отрубил! Три метра под килем, нормалёк!

«Кайман» уткнулся носом в песок. Я быстро выскочил и закрепил репшнур за корягу.

Порви меня пополам, ну точно, джунгли!

От жары уже сводило скулы. Первым делом я сбросил обе куртки, оставшись в пропотевшей футболке. Потом скинул ботинки и стянул штаны, следом и термобельё, оставшись в весёлых труселях в синюю клеточку. Уф-ф... А вот кепочку снимать не надо, махом ушибёт свирепым солнышком. Кста-

ти, вероятность за пару часов обгореть до мяса высока, на небе ни облачка. Стоп! А солнце-то уже низко, здесь тоже близится вечер!

– Поторапливаться надо, – пробурчал я. – И попить не забывай.

Обезвоживание сейчас – главная опасность. Достав большую прозрачную бутылку, я выпил столько, сколько влезло, уже в процессе покрываясь обильным потом.

– Хорошо!

Теперь ботинки. Они у меня тоже высокотехнологичные. Никакого меха, тонкий светло-бежевый нубук и мембрана. Выпростав горячие ступни, я первым делом снял носки и вытащил из каждого ботинка чулки-вкладыши «омни-хит». Это такие серебряные точки по всей площади, отражающие тепло ноги внутрь. А может, вообще босиком? Нет, так не пойдёт. Я не знаю, что будет через минуту. А вдруг останусь вообще без обуви? Носки пока в карман, ботинки – перешнуровать накоротко, чтобы ноги дышали.

Решив вопрос одежды, подтянул ружьё, осмотрел. «Браунинг» невредим. Вылущив все патроны, я задумался. Похоже, дробь пока не актуальна.

– Что, не мог у Валерки картечь взять? Поленился?

Зря я себя полосую. Ну, была бы картечь вместо четырёх нулей, что, ты от этого взял с собой больше картечных патронов? Не шесть, а двенадцать? Нет, не взял бы... Это плохой момент. Первыми на выстрел поставил пару четвёрок,

следом – две турбины.

Что ещё из первичного?

GPS! Прибор докладывал, что спутников он в упор не видит.

– О-па...

Вот тебе и подтверждение подсознательно отвергаемого.

Не бывает в природе переносов! Хрень всё это, я просто оказался на тропической реке!

Земной.

«Просто? Ну-ну... И чем же это проще переноса транс-планетарного?»

Где космические помощники, чёрт возьми?

Значит, это не Земля? Да не, быть такого не может...

Что, Дар, уже попрощался с родной планетой?

Мамочки мои, а два проекта по башенному копру, оставшиеся без контроля?

Как же так! Технические задания и сметы, сроки и планы... В отделе одна из работниц увольняется через две недели, семинар на носу... А долгожданный отпуск в Италии? Крушение деловых планов! В личной жизни всё несколько проще, жены у меня нет, детей тоже. Гадство, а сорванная охотпоездка на север по возвращении с югов, это вам что, шуточки? Да я с таким трудом взял лицуху на овцебыка! Зараза, это настоящий форс-мажор, и мне надо будет чертовски постараться, чтобы он не превратился в форс-минор. В любом случае, необходимо успокоиться, расслабиться и вы-

кинуть из головы лишнее. Слезами горю не поможешь. А себе вот разумом поможешь, пока вокруг светло и тихо.

Чушь! Бред! Подождать надо, присмотреться.

Я запустил на сканирование трансивер и набил трубку, пусть прибор проверит все диапазоны.

Уже буря чувств! А впереди – полная реакция.

Как предупреждают опытные люди, реакция у каждого из нас на откровенный влип в непонятную историю будет вариативна и неоднозначна. И тебе, Дар, надо сделать так, чтобы началась она лишь тогда, когда ворота замка будут надёжно закрыты на бревно, а кладовые полны, когда возникнут наметки повседневной организованности привычного бытия и понимание хотя бы на неделю вперёд. Вот тогда и рефлексируй. Так что страдать от непоняток, заламывая руки в скорбных жестах, всхлипывая и комкая носовой платок, я пока не буду. Простите, господа, но некогда. А вообще: не дождётесь. Прощальной записки и заныра в зелёную пучину с тремя камнями на шее не предвидится.

Падла, ядерная война? При чём тут война... Похищение?

Если бы перед этим кошмаром я сел в самолёт и там вмазал втихушку «дьютифришного», то сейчас имел бы более-менее стройные версии. Например: подобрали хорошие стюардессы гашёного русского и вкинули на транзитный борт в неразберихе – вот и прилетел... А куда? На Амазонку. Где в туземной деревеньке опять вдул – уже забористого местного, окончательно замутив разум и разогнав воображе-

ние до появления сиреневого креста перед глазами? Очнулся пьяница в реке. Зарубежной.

Не, туфта это какая-то, а не стройная версия... Надо бы... Стоп! Обещал же сам себе, что не буду пока страдать от непоняток, а сам что делаю?

Первое решение?

Надо подумать об убежище и всю дальнейшую разведку начинать только после этого. Если принять за основу, что феномен косоного креста обратной стороной лучей опирается не в родную Землю, то пока дальше ближнего радиуса вообще лучше не соваться. Каков процент того, что обитатели незнакомых берегов окажутся дружелюбными? Переведу на понятный русский: «Не нарывайся раньше времени, приди в себя! Подумай, оцени, наметь шаги. И только потом решай».

Решать, кстати, будет трудно, к этому надо готовиться.

Это гораздо трудней, чем обустроить жильё и перебирать оставшиеся припасы. Что делать жертве обстоятельств после того, как первый шок угаснет? Связи нет, рация не цепляет, хотя аккумулятор ещё полон. Ох, чувствую, никто не пролетит надо мной лазурным небом, не проплывёт зелёной рекой, пыхтя романтической паровой трубой с белой полоской поверху, шлёпая по воде лопастями огромных колёс. Куда плыть, и плыть ли вообще? В том-то и дело, что однозначный ответ найти невозможно, здесь нужно учесть массу мелких факторов.

Растительность незнакомая. Одни деревья похожи на ака-

ции, другие – на плакучие ивы. Очень много каких-то непонятных гигантских саксаулов, только с крупными кожистыми листьями, мясистыми такими. Стоят по берегам очень плотно, ни единого просвета. Много птиц. Да, если тут такие попугаи, то каковы тогда петухи? Монстры-убийцы?

– А ещё есть саблезубые пумы, кайманы и анаконды, – буркнул я, натягивая поверх футболки брючный ремень с ножом в чехле.

Что я помню про Амазонку, например? По берегам можно встретить съедобных грызунов весом в полцентнера. Анаконды, милые создания – самые большие из удавов, хавают всё живое на суше и в воде. Пиранья, мать её так. Обезьяны прыгают меж стволов, не удивлюсь, если здесь они тянут под три сотни килограммов. Леопарды всякие. Чувствую, сурпризы ждут.

Всё, братцы, сканер остановился.

Итак, развитой цивилизации поблизости нет. Надо ехать дальше. Я спрятал рацию, отвязал репшнур, завёл мотор и двинулся вниз по течению.

Табличку на берегу увидел почти сразу, метров через триста, даже разогнаться не успел. Да я и не собирался разогнаться, несмотря на хорошие глубины. Страшновато, глупо это скрывать. Даже удивительно, как я сразу не заметил яркое белое пятно. Швартовался на крошечной отмели... Надо было сразу сюда плыть!

Впереди виднелся островок с пышной растительностью.

Основное течение речки, а это именно речка, с Енисеем даже сравнивать не надо, проходит справа, слева – лишь небольшая протока. «Кайман» снизил скорость до самой малой, я начал поворот, высматривая удобное место для причаливания, и тут же его увидел. Небольшой песчаный пляж, очень удобно. Что тут думать – стал лагом к течению, потом корпус задел крошечный песчаный пережат, и лодка с шипением вылезла на песок.

Фанерная табличка с надписью на трёхметровой высоте была прибита даже не к столбику, а к довольно толстой свае, глубоко врытой в грунт. Основательная работа.

На фанерке чёрной краской было написано:

ДЕПО
DEPOT

Грёбанный ты Каларгон, здесь русские люди водятся! Приказка у меня такая. Каларгон – печально знаменитый, и не только в Норильске, лагпункт сталинских времён, который входил в состав штрафного пятого лаготделения.

Что характерно, надпись по-русски идёт впереди написанной латиницей. Значит, что? Вы бы тоже легко сообразили – поставили самый необычный из всех речных знаков именно русские.

Депю, депю... Что-то знакомое. Смутно. Тепловодное что-то. Зараза, что же ты сразу не сообразил! Арктическая практика! Именно так называются продуктовые и имущественные закладки, оставленные по берегам морей и рек иссле-

дователями. Запасные склады. Припасы закладывали в железные бочки и деревянные строения, в землянки и каменные нагромождения. Вовремя нашёл депо, устроенное предшественниками, значит, выжил. Главное, сделать так, чтобы депо не разграбил белый медведь.

Решено, устраиваемся здесь капитально, чувствую, скоро будет работа, появится почва для размышлений. Я без всяких сомнений поднял сапог мотора и вытащил лодку подальше на песок, на весь корпус, ещё и с запасом. Для страховки привязал плавсредство к толстому стволу ближайшего дерева.

Слушай, Дар, значит, не ты первый из северян сюда провалился?

Не одному тебе земные яйцеголовые или внеземные узкоглазые предложили сыграть в крестики-нолики?

Я классическим жестом подтянул трусы, перехватил верное ружьё и пристально посмотрел в сумрак плотных зарослей, окруживших небольшое песчаное пятно на берегу неведомой реки.

– Спасибо заранее... Посмотрим, что вы тут приготовили, соотечественники. Рассказывайте, чем сердце успокоится.

Глава 2

Первые шаги. Освоение неусваиваемого

Найдётся кто-либо на свете, способный поверить в то, что в данный момент меня больше всего парила выловленная ещё в Енисее рыба? Идиотия? Но это так. Парит. Пропадёт ведь на адской жаре, дело трёх часов, несмотря на то что рыба непотрошёная. Вскрытая, в которую уже проник злой микроб, пропадёт ещё быстрее.

Не сомневаюсь, что в такой тропической реке водится прорва местной диковинной рыбки. Сомневаюсь в том, что её можно есть.

Продолжая переваривать первую толковую информацию, которую только что удалось получить, я машинально делал хорошо знакомое дело: таскал более-менее сухие ветки, складывая их шалашиком будущего костра, укладывал остальное стопкой про запас, для просушки. Очень хорошо, что здесь есть большой навес, сделанный из толстых веток и полиэтилена, можно разводить костёр прямо под ним.

И вообще – место для депо покровителями попавших в новый мир выбрано на загляденье грамотно. В джунглях всё сырое, найти сухие дрова трудно. Но даже если и удалось развести костер, то в любой момент может хлынуть дождь

или ветер стряхнет воду с мокрых деревьев, а её на огромных листьях собирается предостаточно, запросто залить может.

Островок на реке, вряд ли тут бывает по-настоящему опасный хищный зверь.

Язык песчаного пляжика вдаётся в глубь густых и колючих кустов, здесь и обустроено хранилище – здоровущий железный ящик на висячем амбарном замке. В ящике-сейфе много всего интересного, но я пока вытащил инструкцию и мачете. Для уверенности.

Замок тщательно обмотан промасленным куском полиэтилена. Ключ от замка прибит гвоздём к дереву с обратной стороны ствола, отодрать несложно. Надпись на двух языках подсказывает, куда несчастному стоит посмотреть. Никаких стрелок. Да, тут уж ни одна обезьяна не сообразит...

А человек сообразит!

С левого берега знак увидеть, в принципе, невозможно, остров мешает. Ниже по течению встать – тоже не заметишь, прикрыт растительностью. Его можно заметить, только если плыть по течению вдоль правого. Сам берег в этом месте... Сплошные кусты в воде, вряд ли там подойдёшь к обреза воды. Замаскировали качественно. Целевым образом поставили.

Рухнули все иллюзии. Приплыли.

Дар, ты расслабься! Надейся, что устроители схрона сделали всё по уму. Им видней: где, что и как ставить. Им же и указывать, как тебе себя вести.

Только вот рыбку свою я не отдам.

Глаза хаотично выхватывали на бумаге фрагменты уже дважды прочитанного текста.

Рыба пираруку является основной съедобной рыбой на Аракаре... На Кристе она может достигать четырёх метров в длину и двухсот килограммов веса...

Пираруку тут называют «красной рыбой». Размерчик совершенно адский. Что-то мне не особенно хочется её ловить, да и снастей подходящих нет, тут особая плетёнка нужна, силовая катушка и спиннинг на марлина... Или на тунца. В самой Лете этой рыбы не так много, она предпочитает тихие речушки со слабым течением и большим количеством растительности. Изрезанные берега с навалом плавучих растений – идеальное место. Тут эти рыбы точно водятся. Тело покрыто крупной чешуей, переливающейся различными оттенками красного, особенно в хвостовой части.

– Гадство, а тунец у вас есть? Тунца помню.

Что же водится в Главной Реке?

Да, да! Эта чёртова Аракара впадает в Лету, артерию огромную, полноводную...

Вместе с многочисленными притоками Лета образует систему внутренних водных путей громадной общей протяжённости. Главное русло судоходно на всех участках, известных людям. Значит, полностью река ещё не изучена.

Кстати, Аракара – что-то смутно знакомое. Читал где-то, что ли?

Итак, реки и речки экваториальной поймы соединились, образовав ту самую Лету – по версии, самую большую массу движущейся пресной воды на планете, так и написано в памятке-инструкции. Лета несёт свои воды на юг. Значит, Аракара течет в сторону восходящего солнца.

А солнце, между прочим, вот-вот зайдёт, надо пошевеливаться.

Но я поступаю согласно полученным инструкциям. Хреновенько пошевеливаюсь... Акклиматизация пошла ураганная, жара и влажность душит, за грудиной давит. В памятке, которую я нашёл в железном гробу, чётко сказано, что новичку не надо делать резких движений. К инструкциям я давно привычен, а двигаться много и резко с детства разлюбил, после того, как вlepился лбом в пожарную лестницу.

Найденные на берегу листья кебовея при необходимости используйте для остановки кровотечений! Ниже приведена схема перевязки раны!

Да тут, смотрю, и этноботаники водятся! Кебовея, бляха... Спасибо, запомним, только пока что мне и своей аптечки достаточно.

Это готовый растительный фильтр, которого хватит на четыре цикла. После процеживания воду мож-

но пить. Для приготовления горячей пищи можно использовать воду Аракары, пропущенную через примитивный песчаный фильтрат на берегу. Вам нужно вырыть ямку вблизи берега...

Это я и без советов знаю. Как только нагляделся досыта на мутную воду реки, так и начал рыть яму в песке. Свою питьевую воду из бутылки тратить на уху не буду...

Хорошо, что нет дождя.

Берег террасой. Не очень высокий, видно, куда добивает водица в самый лютый паводок.

– Не затопит.

А вот первый островок, где я торопливо переодевался и приходил в себя, в дождь или в большую воду наверняка топил по маковку. Зелёно-бурое течение не подвигало на ловлю рыбы и питьё рукой-черпачком. Гадостный цвет. Словно в реку щедро сбросили промышленные отходы крупного металлургического производства. Пирротина, например. Ещё и запах болотистый...

Из опыта – в котелке всё равно будет песочек, будто накидал в суп непромытых грибов. И чёрт с ним. Поджигаем! Костёр исправно загорелся, с этим у меня никогда проблем не было, и среди льдов распалю, и под дождём. Красота!

Подъём воды в северных и южных притоках Леты случается в разное время года. Это несколько сгла-

живает колебания уровня, поэтому река полноводна круглый год. Мелей в главном русле немного, даже при небольшом опыте судовождения плавание особой сложности не представляет. Тем не менее, поначалу двигаться даже на средней скорости не рекомендуется! Осмотритесь, привыкните! Оставаться на диком берегу со сломанным плавсредством крайне нежелательно!

Читал уже, читал... Утешили. Дураку ясно, что не рекомендуется, кругом такие заросли!

В них постоянно что-то шевелится, пищит, кричит, повсюду дёргаются ветки и листья. То и дело какое-нибудь живое существо сползает в воду. Что-то в памятке было про местное зверьё, уяснил, что анаконды здесь шастают – этого для меня, человека, змей органически не переваривающего, уже выше крыши!

Ага, помню про больших чёрных пауков. И диких суперкабанов.

Ещё есть дикие кошки, убийцы обезьян...

И особо страшная чупакабра!

Господи, за что мне всё это!

Я же, вроде бы, никогда не мечтал оказаться на Амазонке! Или мечтал?

Дайте мне северную природу, пусть там будут полярные волки стаями и белые медведи ротами, пусть там бегают ко-

варные россомахи, хитрющие песцы и бешеные лоси!

За что мне анаконды?!

С богатством флоры и фауны тут всё нормально. Хватило бы патронов...

Здесь типичный климат вечнозелёного экваториального леса – жаркий и влажный. Круглогодично температура колеблется в пределах 25 – 28 °С, ночами не опускается ниже 20 °С. Дождевые осадки обильны с ноября по февраль. Снега не бывает, реки не замерзают. Внутри леса безветренно, мало света. Растительность затрудняет передвижение, часто нужно прорубать дорогу. Для прохода воспользуйтесь уложенным в комплект мачете! По берегам Леты много разновидностей пальм, произрастающих группами, орехи большинства съедобны. Следите, что клюют птицы!

Только и остаётся, что наблюдать за долбоклюями. В зеркало.

Я поставил на костёр котелок и сел рядом на травянистый гребень террасы, подтянув ружьё поближе. Разместился между огнём костра и берегом – очень не люблю сидеть за огнём, подсвеченный, как последний дрищ в толчке со сломанной дверкой.

Зверьё, зверьё...

Ох, чувствую, придётся мне пострелять! А пулевых всего четыре штуки взял! И шесть четырёхнулёвок... Да кто же знал-то!

Вблизи берегов Аракары и Леты встречаются капибару – очень крупные грызуны весом в полсотни килограммов, похожи на морских свинок. Добываются легко, вкусные. Встречаются нутрии, они тоже съедобны. Водятся анаконды – большие. Охотятся на суше и в воде, могут задушить каймана, на человека нападают крайне редко, пугливы. В Лете обитает пресноводный речной розовый дельфин, но его добыть сложно.

Да я и не собирался, спаси Господи!

Прямо у воды можно встретить большого тапира. Передвигается тропами вдоль берега, хорошо плавает, любит водные растения. На рану, если по месту, слаб. Остерегайтесь местного ягуара, это один из опаснейших жителей джунглей! Способен нырять.

Вот и как тут рыбачить, а?

– Полный тунец...

Мощь гигантского экологического механизма незнакомой планеты потрясала и реально пугала. Нет уж, Дар, ты давай неторопливо, вдумчиво.

Как же я так с пулями-то!

Можно ловить и есть пираний...

Даже слышать такое не хочу! Где-то вычитал, что у некоторых индейских племен было принято опускать мертвецов в реку, чтобы пиранья за несколько минут обглодали покойника до костей. Потом скелет красили и вывешивали у входа в хижину.

Глаза продолжали бегать по тексту.

Во! Годится! Зикари, так называют небольшую распространённую рыбку с красным плавником. Это по мне добыча! Таскать наудачу из неведомого водоёма ядовитую или кусачую гадость никакого желания.

Если захотите искупаться, то нужно выбирать места в заливах с твердым берегом, иначе течение может снести в заросли, откуда сложно выбраться...

Издеваются они, что ли? Ещё и цвет трусов подскажите.

Хищная чупакабра – самый страшный зверь Кристи, определённый таковым на сегодняшний день. Размером больше белого и кадьякского медведя, огромные клыки, глаза навывкате. Шерсть очень короткая, гладкая, почти не видно. Чудовище похоже на

уродливую собаку, а вот лапы у него, словно у обезьяны, с длинными крючковатыми пальцами. Очень хорошо прыгает. Чаще встречаются на правом берегу Леты. Связываться с ним глупо, по возможности лучше отступить... На воде не преследует.

– Твою мать!..

В этот момент я дал себе клятву, что ногой не ступлю на дикий берег! Разве что на подобный островок, да и то после тщательного осмотра с воды, с безопасного расстояния. Вот уж порадовали вы меня, соотечественники!

Стемнело, дождался, ёлки...

Быстро обгоревшее на солнце лицо остывало после дневного зноя, немного потрескавшиеся губы саднили. О чем я думал в преддверии тропической темноты, уже не вспомнить: о дикости самой ситуации или о живой угрозе, с которой придется столкнуться в страшной драке? Опасность в любой миг может появиться с реки! О предстоящем спасительном переходе на лодке или же о счастливом Робинзоне, попавшем в детскую мечту? О чем-то другом? Не, точно, не о Робинзоне, ну его к лешему.

Яркий отсвет предзакатного солнца над лазоревыми джунглями вспыхнул и пропал. Вот так. Только что ушло за деревья горячее южное солнце. Оно в этих краях сваливается за горизонт стремительно, словно в пропасть падает! На счет «два» с небес налетает темнота, и никаких тебе суме-

рек. Непривычно.

И как только я это осознал, над мутной водой Аракары тут же зазвучали голоса прибрежных болот, которых в этих краях до задницы, и тропического леса. Словно колонки включили! Напротив меня по берегу – чёрная стена чужого леса. Ниже по течению, словно рыба чешуя, засверкал на мелкой ряби далёкий песчаный плёс. Ночь безлунная, но звёздная, и деревья касались колдовского мерцания этих далёких звёзд, висящих над планетой по имени Криста...

– Точно, оборвалась ниточка.

Хлоп! Словно по команде невидимого режиссёра, влажный воздух задрожал от кваканья мириада лягушек. Жирных, зелёных, пупырчатых... Противных до дрожи, я словно бы видел их рядом всех сразу! Нервно потянул мягкий ворот футболки. Ну и духота, даже на берегу! Под полиэтиленовым пологом депо вообще чувствуешь себя так, будто тебя закинули внутрь оранжереи. Мне не хватало кислорода, ткань одежды липла к телу, сердце тревожно стучало.

Неподвижный воздух Аракары, наполненный запахами гниения, плохой рыбы, испарениями прибрежных болот и в то же время ароматами дивных цветов, которых я пока не увидел, неожиданно сдвинулся с места. Длинная зыбь еле угадываемо побежала по верхушкам деревьев.

– Ветерок, – прошептал я.

Ничего, справимся.

Влажное тело обдало освежающим потоком воздуха.

В инструкции было немало толковых советов. Многие мнегодились, кое-что я и сам знал. Например, про природные репелленты. Вряд ли мой супермегапаралитик в ярко-красном флаконе спрея, способный аннигилировать свирепого таймырского комара на лету, окажется здесь столь же действенен... Хотя пробовать будем, как не пробовать. Да и баллистрол отчасти заточен для таких задач. Однако и природными средствами пренебрегать не стоит: про муравьёв мы в курсе. Набрал в горсть и втираю в тело. Чем более эти мирмики ядовиты и кусачи, тем лучше смазка будет действовать, отпугивая кровососущих.

Поднявшийся над руслом ветер отодвинул проблему, москитов не видно.

А раньше-то кусали? Я и не заметил...

Перечитывая инструкцию раз за разом, одновременно запоминал, как выглядят образцы листьев и трав. Ничего сложного. Многие охотники и рыбаки, практикующие долгие одиночные рейды в живой природе, со временем становятся хорошими наблюдателями. Да что там, настоящими натуралистами!

Постепенно будущее прояснялось. По крайней мере, с направлением движения и порядком действий.

И всё же... Жуть! Представил, как эта местность выглядит с воздуха.

Летишь над рекой на самолёте или вертушке – на дельтаплане не надо, – а внизу только бесконечные леса, однооб-

разно волнистое зеленое покрывало, непроницаемый растительный полог, где и в самый яркий день царит тьма...

С ягуарами и чупакабрами внутри. А уж ползающей в прелых листьях всяческой каки...

– Что ж ты, Дар, долбень, с пулевыми так небрежно обошёлся? – в который раз посетовал я, глядя на медленно закипающую в котелке воду. – Теперь придётся выкручиваться, применяя нестандартные решения.

Иногда над деревьями проносился душераздирающий хрип, словно кто-то погибал в удушающих объятиях анаконды. Пару раз я вскакивал и пристально смотрел на реку в тепловизор, пока не увидел, что один из таких хрипунов, махнув тяжёлым хвостом, не сполз прямо в воду! Так это кайман так орёт!

А вот ещё один душераздирающий рёв – да это же былинное чудовище выползло из пещеры! Судя по тому, что ревели одновременно очень многие твари, это были какие-нибудь обезьяны-ревуны. Лишь позже я узнал, что тропические приматы таким образом разминают легкие перед сном. Любой слабый звук заставлял усталое тело вздрагивать в ожидании самого худшего.

Хруст сломанной под мягкой лапой коряжки или шелест случайно упавшей на землю ветки звучал неожиданно громко и тревожно, я никак не мог сосредоточиться на готовке. Но постепенно шумы стихали, ибо у всякой твари есть своё расписание.

Звуки редки, когда джунгли спят.

Сейчас настаёт время хищников. А я что, разве не хищник?

– Пальнуть, что ли, для остратки?

Инстинктивно мне хотелось показать свою силу и значимость. И двенадцатый калибр в этом деле – лучший друг. Сдержался, глупость, патроны счётны.

Пора готовить.

Итак, у меня был здоровенный таймень, молодой голец, пяток окуней и вынутая из тела рыбыны налимыя печень. Самый комплект. Надо осваивать, сохранять.

Из тайменьей головы обычно варится уха самодостаточная, ничего больше добавлять не надо. Бывает, что голова настолько велика, что и засунуть её в ведро можно, лишь порубав на части. Когда такая уха остаётся в ведре на ночь, то к утру превращается в нормальное заливное. Ну, моя добыча поменьше, впихнём.

Но газ на такой объём тратить нельзя, ещё и не хватит!

Мясо тайменя мы с мужиками обычно жарили большими кусками, и одной большой рыбыны хватало десятку человек – досыта, ещё и на завтрак оставалось... Есть ещё, есть такие края на Северах! В определенных местах таймени бывают «мерными», примерно одинаковыми, что вполне объяснимо. Это не просто прожорливые хищники, а ещё и каннибалы. Собрата-конкурента им надо сожрать в первую очередь! Вот и хавают всех, кто меньше размером. Небольшие

особи могут спастись, только удрав в свободную речку, где ещё не завелись настоящие монстры. А в общей зоне живут примерно равновеликие рыбины, они друг друга сожрать не в состоянии.

– Анекдот какой-то...

Действительно.

Сажу на берегу тропической реки и готовлю типичную северную уху!

Прибрал огонь, пусть вызревает. Жидкое нужно. Мне сегодня объём ни к чему – вряд ли при такой жаре к утруцу сладится заливное... От варева потребуются большая насыщенность, позволяющая набить желудок полезными горячими жирами и аминокислотами. А уж мясо тайменя буду жарить на V-образных прутах вокруг костра, почти досуха, с подсолном и красным перцем, постепенно превращая аппетитные ломти в этикие огромные чипсы.

Нахрен я вообще этих окуней таскал? Никакого желания возиться с чисткой. Решено, их тоже зачипсуем. Тогда придётся потрошить...

До воды было метров семь – очень подходящая дистанция. Поболтал ногами. Удобная терраса, даже покидать не хочется.

– Привыкай давай, не отсидишься.

Двинувшись к воде, я захватил не только ствол, но и большое кованое мачете, найденное в ящике.

Плавающий ягуар, говорите? Вряд ли кошка пойдёт на

огонь костра, раз тут есть люди, то можно надеяться, что дикий зверь знаком с вариантами исходов предстоящих встреч вблизи лагерей охотников. Хотя чёрт их знает, здешних кисок, ведь запах по островку разливается одуряющий. Так я давно голоден, оказывается!

– Не отдам, даже не думайте.

Гладкая поверхность реки расслабляла. Замечу, поди, приближающегося каймана. Здесь отмель, из глубины не прыгнет.

Когда я решил, что голова поспела, то принялся вытаскивать и кидать кости подальше в реку, туда же забросил и потроха окуней – жрите! На берегу ничего оставлять нельзя, если не звери-птицы, то насекомые соберутся, рядами и колоннами.

Появились какие-то кусачие мошки.

Сначала я помахал загодя подготовленным веником из веток растения, похожего на акацию, потом попрыскал на тело репеллентом, с удивлением обнаружив, что отечественное средство вроде бы помогает и на инопланетной Аракаре, хоть не так эффективно, как раньше. Дальше всё пошло по накатанной схеме. Вот теперь очередь налимьей печени, раньше кидать нельзя – когда голову будешь вытаскивать, всё покрошишь, а часть вообще выкинешь. Разбирать же тайменью башку на деликатесы я не собирался, нет желания. Да и сил.

Вот за что люблю гольца – его практически не надо чи-

стить. Формально пошкрябал, и в кастрюлю. Крупно порубленные куски нежного молодого мяса полетели в котелок, где растопленный налимий жир от печени уже дал красивую жёлтую плёнку.

– Специи...

И этого не пожалеем.

Как бы хорошо чистый речной песок ни фильтровал воду, подстраховаться стоит. В блюде будет много перца. По-тайландски, значит, хряпать будем... Хотя откуда у тайцев возьмутся такие прекрасные рыбины?

Сахарку чуть-чуть, как наиболее безвредного усилителя любого вкуса. Не знали? Так впредь знайте: мужчины кладут в блюдо сахар не для сладости. Куски гольца быстро белели – вываривать ни в коем случае не надо, в такой суперюшке всё нужное уже имеется.

Свежий лук решил изначально зажать, поедая исключительно живаком. Организм находится в сильнейшем стрессе, что будет дальше – неизвестно, витамины пригодятся. Готово! Да не совсем... Напоследок я высыпал в котелок небольшую пригоршню сухой картошки, жидкость моментально загустела, получилась такая болтушка, давно люблю именно так ловить в ухе вкус картошки. И это очень сытно. Так, соли вроде хватает. Чуть-чуть крошеного чесночка... А теперь перчика, чёрного и красного!

Больше никаких извращений, вроде пары ложек водки в объём и головёшки в юшку, не до понтов. Совать в пищу

палку из незнакомого дерева? Нет уж. А вот фляжка имеется. Полная. Жаль только, что там не спирт. Спаси Господи, вдруг пригодится в целях медицинских...

Теперь отставляем котелок в сторону, пусть варево набирает вкус.

С жаркой тоже всё было просто. Натёр розоватые ломти солью, без перца, и к жару поближе, знай только, переворачивай периодически.

Костёр горел еле-еле, больше за счёт углей, а не открытого огня, что и нужно для правильной прожарки такой рыбы. Что-то я сильно раскочегарил от страха, тут углей и на пару таймешат хватило бы. Ну, теперь можно и поесть.

Я сидел на песке и хлебал горячую уху до тех пор, пока не понял – сейчас лопну. Потом пил горячий кофе двойной крепости с толстыми белыми сухарями, покрытыми хрупкой патиной сахарной пудры.

– Ещё и зорги... Вас тут только не хватало.

Зорги. Редкие пленённые чудовища, кроме бормотания «зорги-зорги», ничего внятного не произносят. Или гоблины, ещё и так их называют на Реке. Неведомые силы планеты Криста затягивают сюда не только людей: крестообразные двери нового обиталища распахнуты и для представителей какой-то другой планеты. Зелёные чудища попадают сюда так же, как люди, через речные Прорезы, которых, как я понял, немало.

Народ дикий, первобытный. Приходят исключительно на длинных лодках, типа «пирога». Внешне гоблины гуманоидны, антропоморфны, их вполне можно принять за каких-то земных дикарей, если бы не ярко-зелёный цвет кожи. Живут племенами или родами, численностью особей по сорок-пятьдесят. Из вооружения: кустарные луки, копья, топоры, в том числе и метательные. Живут в джунглях выше по течению Леты, передвигаются своими охотничьими группами, к людям выходят крайне редко. Далеко на вёслах не идут, а парусов не знают. Язык непонятен. Общаться с ними категорически невозможно, очень агрессивны... Очень важно – они не умеют плавать! На Аракаре в последнее время не встречались.

В последнее время! Ха!

А когда оно было, позвольте спросить, это последнее время?

Я горестно вздохнул. Рыба прожарилась.

Костер уже почти прогорел, в куче золы алым жаром переливалась дискотека из оставшихся углей. Рядом с кострищем всё ещё томился пяток несчастных распластанных окуней, пропитываясь специями и горячим соком.

«Вкусно получится», – только и смог подумать. Аппетит почти умер, сколько же можно терпеть эту жару, хорошо, что спадает...

Котелок уже убран ближе к железяке, прожаренные чипсы

сложены в пакет.

Не дав огню умереть окончательно, я протянул руку, поднял из-за спины толстую сухую ветку, лежавшую поверх приличной кучи дров, собранных вблизи и заготовленных заранее под тентом. Попробовал молодецким ударом переломить о колено, болезненно ойкнул... Это тебе не таёжный сушняк, Дар, осторожней! Всё равно сломаю! Громкий треск, мало похожий на выстрел, тем не менее всполошил каких-то мелких тварей, которые после секундных раздумий с шумом плюхнулись в реку.

Вытянув ноги на теплый песок, я долго сидел у костра, пока не понял, что последние полчаса просто борюсь со сном. Устал смертельно. Сытость плюс акклиматизация – страшная штука. Хорошо, что сейчас ночь, нет изнуряющей жары. Что-то будет завтра... Решив, что пора отдохнуть, я ещё раз потупевшими глазами оглядел пляж и, решив, что погода не испортится – а если и испортится, то по барабану, отправился к железному ящику.

На полпути передумал, вернулся на берег, проверил крепление лодки.

Бросил в угли полувлажный ствол – пусть дымится и подсыхает, пока костер будет гаснуть, засыпая вместе с хозяином... Лег на свёрнутую куртку и тут же почувствовал, как веки наливаются тяжестью.

«А зорги, Дар? А кайманы?»

– К чёрту кайманов, сдохну так от страха и усталости. Все

идут своим лесом.

Надо бы забраться в ящик поглубже, по крайней мере, с боков никто не укусит. Ружьё поближе... Стремительно налетающий сон обволакивал, проваливая меня в сумрак забывтья. Удобно подложив руку под голову – в такие минуты рука сама собой почему-то укладывается очень удобно, я ментально отключился.

* * *

И так же быстро проснулся.

Было уже утро. Скорее всего, ночь развеялась внезапно, как туман под ветром. Я приподнялся на локте и посмотрел вокруг. Над деревьями солнышко! Это всегда красиво, под любимыми широтами. Но в тропиках – особенно. Вот же мир: ни сумерек, ни рассвета.

– Кто последний дежурил, сволочи? Я? Ну, ладно...

Дежурный Дарий Квачин застонал – руку отлежал напроць, за время провального сна ни разу не поменяв позы. Качественный был отруб, анабиозный. Встрепенулся, растёр ладонью лицо и глянул на часы. Половина седьмого утра на моих, и это время мало чем отличается от текущего, поспорить могу. Ну и поспал! Как себя чувствуешь? Вроде бодрячком.

Натягивая футболку, я, не торопясь, выбрался из ящика-сейфа депо, как старый заслуженный паровоз – с кряхте-

нием и матами в адрес всех подряд, и первым делом запустил маленькую газовую плитку – утренний кофе святее папы римского.

Постонал, погнулся во все стороны, наскоро разминая мышцы, да и пошёл в ускоренном режиме разводить ещё тлеющий костерок, дабы разогреть вчерашнюю уху.

«Кайман» на месте. Ружьё на плече. Мачете у ящика. Мультитул на поясе.

На Аракаре было спокойно.

Настолько, что мне даже стало хорошо. Неплохо, в общем.

Всё-таки остров посреди реки – это действительно здорово!

Что тут делать местному плавающему ягуару, здесь нет для него подходящей дичины. Это для меня, человека, главное – ароматы готовки... Дикий зверь сперва чует совсем другое: тревожные запахи машинного масла и бензина, нагревающегося на солнце металла и резкий неприятный запах пластика. Ради чего ему рисковать, переправляясь через опасную реку? Всегда есть вероятность оставить пушистую конечность в зубах голодной рептилии, в воде свои порядки и свои короли, это тебе не на суше обезьян пугать. Стая пираний тоже может изрядно потрепать.

Пока большая кружка из нержавейки набирала температуру, я, прогоняя остатки сна, поплёлся к реке. Еще сонный, набрал в горсти чуть более прохладную, чем днем, утреннюю воду, сквозь которую были отлично видны семейки малень-

ких рыб, неторопливо умыл лицо и шею. Эх, окунуться бы... Да чёт страшновато! С другой стороны – мелко, всё видно, никто и подкрасться не успеет. Как там написано: «Если захотите искупаться, то нужно выбирать места в заливах с твердым берегом». Вроде подходящее местечко.

Тут я заметил в воде стремительную тень, пролетевшую над песочком...

Плавать категорически расхотелось, захотелось кофе.

Что запаниковал? Сам же вчера раскидал вокруг остатки рыбы, вот местные и подбирают, следят за экологией. Откидывая мокрые волосы от глаз, я посмотрел на свой импровизированный лагерь. Похоже, и кипятик готов. С кружкой кофе залез в тень, под защиту просторного тента, лег на прохладный песок и раскурил первую, самую вкусную трубку. Маленькая порция табака, для разогрева, так привык.

Отпив сразу почти половину кружки, долго лежал на постепенно прогреваемом песке недвижимо. Так долго, что крошечная жёлтая ящерица, посчитав меня бревном, выброшенным ливневым подъёмом воды, подбежала и замерла возле лица, зырякая вытаращенными бусинками глаз. Вполне дружелюбно показал ей язык – бедняжка чуть в обморок не упала.

– И меня тут хоть кто-то боится!

Именно в этот момент я услышал за спиной какой-то подозрительный треск.

Где именно? Будто столбняк приклеил меня к мягкому

песку. Я медленно выпрямлялся со стволом в руках, готовый в любой момент развернуться и выстрелить. Какой патрон стоит в стволе первым? Четвёрка?

Давай!

На ветке, прямо надо мной, сидел здоровый попугай.

Забиться могу, тот же самый!

– А... Это ты, матерщинник?

Яркая крупная птица заплясала на ветке, смешно переступая то влево, то вправо, словно совершала священную утреннюю пляску. Потом крылатый выпендрёжник что-то изрек на своём либо каком-то неизвестном мне языке.

Всё не в одиночку.

– Сухарь будешь?

Птица неожиданно кивнула. Надо же!

А что, интересная игра. Вряд ли этот попугай саблезуб, кровососен и ядовит. Максимум – сопрёт что-нибудь. И то вряд ли, не сорока-ворона, чай. Попка и попка. Дурак.

– Сейчас дам.

Удивительно, но есть мне совершенно не хотелось.

Пришлось организм заставлять. Наскоро позавтракав, я погрел горло ещё раз, но уже вдумчиво. Вокруг песчаной ниши обильно росла неизвестная мне чуть сморщенная ягода, мелкая, с виду вполне вкусная, сплошной витамин С.

– Поп, это есть можно? – я показал на плоды пальцем.

Попугай скривился. Ну или же мне так показалось. Конечно, когда тебе дают третий сладкий сухарь, любая при-

вычная ягода покажется хренюю.

Отчего бы теперь благородному белому охотнику, вчавлившемуся в крепкий передел и переброс, не выкурить теперь по кайфу? Опять вытащил из мешка небольшой мешочек с пеньковой трубкой и крепкой смесью «ароматный плюс самосад». Вонючий дым птице явно не понравился. Неодобрительно поглядывая на меня, попугай передвинулся на самый край ветки, не желая дышать вредным дымом.

– Как знаешь, друг, как знаешь.

Пора разбираться со снаряжением.

Ясно, с чего надо начать – с боеприпаса.

Я знаю нескольких парней, которые использовали или же используют до сих пор патроны с перевёрнутыми контейнерами. По задумке хитромудрых производителей этакий боеприпас якобы предназначен для стрельбы из гладкоствола на дальние дистанции. Принцип хитрый: при выстреле контейнер с дробью некоторое время летит к цели тыльной стороной и лишь потом переворачивается в привычную позицию.

Что сказать, новелла имеет место быть.

Помню, отец, поясняя непонятные тогда пацану философские истины, говаривал: «Не волнуйся, сынок, пушки к бою едут задом».

Так что разные хитрости бывают... Итак, какое-то время заряд летит раком, а потом переворачивается и высвобождает дробовой сноп, что позволяет, теоретически, полу-

читать большую кучность на дальняке. Сам момент переворота и дальность зависят от высоты юбки на дне контейнера. Тут такой нюанс – на расстоянии до тридцати метров контейнер с дробью внутри работает как пуля. Если на тебя неожиданно-негаданно вылетит медведь, а в стволе утиная дробь, можно лепить, должно помочь.

Сам я подобными извращениями никогда не занимался. И необходимости не возникало, и недоверие мешало. Как механик, хорошо представляю – баллистика подобного заряда совершенно непредсказуема. В какой именно момент перевернётся контейнер? Насколько корректно он рассыплет дробь? О резкости выстрела вообще говорить не приходится.

Так что буду применять другой способ, научили в своё время...

Попали мы как-то с другом в переплёт, забрались в самую глубь пугоранских озёр, где техника неожиданно сломалась. Рассчитывали сделать короткий скоростной рейд, а застряли конкретно. Патроны были только дробовые, да и тех с гулькин нос. На беду, выяснилось, что место, где мы встали, оказалось медвежьим. Как тут спокойно заниматься починкой? Вот и научил он меня надрезать патроны в районе пыжей. Ножиком. Чик-чик.

При выстреле надрезанная часть гильзы вместе с дробовым контейнером отрывается и работает, как пуля. Конечно, для таких фокусов хорошо бы иметь стволы покрепче. Дешёвое ружьё с сужением может и не выдержать.

Я всего один раз пробовал стрелять такими патронами из моего «Браунинга». Излишний экстрим, извращение.

Теперь придётся фокус повторить.

Сказано – сделано.

Пяти штук хватит для начала?

Итак, первым ставлю четырёхнулёвку, потом еврейский патрон – на разогретый ствол, потом пулю-турбину.

Большого я придумать не смогу.

Решив, чем и как буду стрелять по местным чудовищам, начал разбираться с содержимым депо. Для начала ещё раз внимательно оглядел внушительную конструкцию. Солидно сделано. Хороший крепкий металл. Старый, чуть проржавевший с углов... Все надёжно стянуто-скреплено толстыми полосами и уголками. Ряды мощных шляпок машинной клёпки. В левой стенке когда-то было небольшое овальное оконце, его затянули забралом, там сварка. В целом, это не ручная работа депоустроителей, сейф явно привезли на место не просто в готовом виде, его совершенно точно просто срезали с какой-то большой промышленной конструкции. С заводской, например.

Или с судовой...

Ёлки, как же я сразу не догадался!

Конечно, это часть какого-то старого судна! Ты же не думаешь, Дар, что через чёртов Крест, или Прорез, как написано в инструкции, проникают исключительно RIB-лодки «Кайман N-450A»? И катера могут провалиться, и самоход-

ные баржи, и буксиры...

Скорее всего, с промышленными предприятиями на берегах Леты кислей некуда, такой вывод сделать несложно, исследуя ассортимент схрана. А вот с выброшенными на берега тропических рек брошенными судами всё в порядке, встречаются.

По железной крыше застучали птичьи когти.

– А, и ты здесь? Пристраивайся, островитянин, вместе посмотрим.

Попугай вновь выдал какую-то длинную тираду, после чего изогнул шею, стараясь заглянуть внутрь.

Глядя на содержимое, я неожиданно испытал чувство беспричинного счастья. Как дурачок. Неужели Робинзон так же радовался, найдя какую-нибудь хрень, вместо того, чтобы загоняться в депресняке? Сокровенные мечты-мысли каждого нормального мальчишки о том, как он будет на пироге переплывать Амазонку, ловить на обычную удочку кровожадных пираний и дергать за хвост крокодилов, всплыли из памяти... Кокосы, маракуйя, манго, плод джунглей! У меня, кстати, аллергия на манго.

Говорят, что сильная мысль материальна. А сокровенные желания прошлого, про которые ты давно забыл?

Сбылось.

Вдалеке что-то хрустнуло.

Обзор даже отсюда неплох, видно противоположный берег. Там пляжа не было, ветки деревьев свешивались в во-

ду. С одной из них спустился красивый обезьян, огненно-рыжий, размером с небольшую лайку. Обезьян явно был спокоен и сыт и теперь жаждал зрелищ. А тут мы с попугаем возмемся, шумим... Знаю, что ты хочешь, падла! Думаешь, как бы пробраться на заветный островок да пошариться в ящике? Примат цеплялся длинным хвостом за ветки и с интересом наблюдал за нами. Через пару минут животное, разочаровавшись в наших актёрских способностях, скрылось. Спокойно ушло.

Это хороший знак, значит, в данный момент страшных хищников вблизи нет.

Ну, приступим.

Про растительный фильтр, собранный в небольшой корзинке, я уже упоминал.

Сандалии. Плетёные, самодельные, недавно сделанные.

Одни побольше, сорок четвёртого, то есть моего, размера, другие поменьше – для женщины. Наверное, тридцать восьмой... Усреднённые образцы, всё грамотно. Сплетены из какой-то сплюсненной лианы, ещё зеленоватой. Кто такие придумал? Если присмотреться и частично разобрать конструкцию, то вполне можно сплести и самому. Гениально.

А я примерю! Обувка подошла почти идеально – отличный вариант для лодки и кратковременных вылазок на берег, в моих ботинках не по сезону, ногам хреновато. Забрать или самому попробовать сделать? Нет, потеряю целый день, и ещё не факт, что получится, в любом ремесле очень важен

навык. Забираем.

Головные уборы, их тоже пара.

Здесь мне гадать не пришлось, шапка знакомая.

В моих руках была традиционная вьетнамская коническая шляпа «нон». Да и не только вьетнамская, их как начали делать три тысячи лет назад, так и продолжают до сих пор – удобная и практичная вещь, я из Вьетнама такую притащил. На экскурсии наблюдал процесс производства, дело было в деревне Чуонг, что неподалёку от Ханоя... Для изготовления шляпы применяют листья местной пальмы, прочные нитки и бамбук для каркаса. Листья срезают зелеными, потом разглаживают на железном бруске, нагретом до определённой температуры. Перегреть нельзя, будут хрупкими. Недогрев просто не разгладит. Потом для отбеливания окуривают сернистым газом. Кроме того, после химической обработки шляпа перестаёт интересоваться насекомых. Каркас – сложная штука, бамбук перед использованием в качестве материала для обручей долго выдерживают в дыму. Обручей делают много, уже не помню, сколько точно. Затем мастер приступает к выравниванию полос и шитью. Я такую ни за что не сотворю, очень долгий процесс. Если нет дурного желания получить жалкий суррогат, который расползётся при первом же дожде.

Кстати! Такое изделие не могли изготовить русские или англоязычные заключённые Кресты. Здесь есть настоящие мастеровые азиаты. Значит, что? Можно предположить, что

на планете живёт настоящий Вавилон в миниатюре.

Примерил ту, что размером побольше. Завязки есть, это важно, иначе при движении по воде сорвёт ветром. Тень от нуну будет отличная! В фирменном кепоне от солнечных ожогов не убережешься. Забираю!

Я положил выбранный нуну на песок. Попугай тут же спрыгнул, приподнял лапой край шляпы и глянул, не спрята ли я там чего-нибудь вкусного. Хмыкнув, я опять полез в ящик и только сейчас заметил выполненную краской надпись на железе, скрываемую шляпой, до этого висевшей на крюке.

Попугай наш! Зовут Кеша. Если есть возможность, угостите его. Русского и английского не знает, но разговаривать очень любит. Постоянно живёт на острове и около. Наблюдайте за его поведением, в случае опасности вовремя подскажет!

– Во, приколисты! – подмигнул я птице. – Ну, привет, Кеша, меня Дарием зовут! Дар. Подожди чуть-чуть, я тебе галету дам.

Кеша выслушал и одобрительно закивал огромной головой с ярким хохолком. Господи, да он размером с хорошего деревенского гуся будет...

Идём дальше.

Два простеньких шерстяных одеяла. Тонких.

Мне они без надобности, тёплых вещей хватает, и я пока не вижу необходимости в их использовании, разве что в качестве подстилки.

Отдельно стоял холщовый мешок с разнообразными кореньями и высушенными плодами. Это еда на первое время. Там же находилась инструкция по применению – как их варить и с чем употреблять. Оставляем здесь.

Местные лекарственные травы. Не трогаю. А вот ещё раз изучить надо бы. Глиняный котелок и крошечная аптечка.

Я вообще не собираюсь брать лишнего. Лодка есть, отменная, с хорошим мотором и приличным запасом топлива. Огнестрельное оружие тоже. Заготовленной рыбы мне вполне хватит, чтобы оглядеться. Инструкция гласит, что в устье Аракары и на самой Лете водится утка – куда она от меня денется! Или перейду на озимые.

Конечно, знай заранее, накидал бы в «Кайман» побольше полезного груза. Тем не менее, я практически готов к тому, чтобы добраться к указанной точке. Если не будет непредвиденных приключений...

Набор, заботливо уложенный в депо, вряд ли сможет меня от них уберечь.

А вот что будет, если в Прорез попадёт человек без плавсредства? Или без одежды? Хотя это маловероятно для Енисея в принципе, да ведь на огромной реке всякая нелепица случиться может. Доберётся вплавь до пляжика с попугаем, и тогда содержимое депо станет для него настоящим спасе-

нием, единственным шансом. Интересно, давно мои соотечественники додумались до такого, вполне логичного организационного хода? Если нет, то и представлять не хочется, сколько человек могло погибнуть на Аракаре...

Так. Нехитрый рыболовный комплект. Толстая леса, старая, сейчас такие уже не выпускают. Три крючка, три свинцовые дробинки и грубо вырезанная из жести блесна-колебалка в форме удлинённой ложки. Катушки нет, да тут и без неё справишься, если ты не полный долбень. Полного не спасёт ничего. Не трогаю, пусть лежит.

Огниво.

Старинное кресало в виде замкнутой стальной пластины с завитушками, приложен и кусок пирита, почти такие комплекты я видел в прибрежных деревнях. Трут – похоже, высушенный местный гриб шаровидной формы. Серый, пористый. Вот это мне искренне хотелось забрать, сказывалось инстинктивное человеческое желание гарантированно иметь огонь! Да и просто интересно. Оставил в неприкосновенности, своё огниво держу на всякий случай, современное, из пиррофорного сплава...

Мачете. Одна штука.

Показывает очень низкий уровень промышленного развития местного сообщества, если в нём не всего десять человек, конечно же. По идее, такой товар должен выпускаться массово – кругом джунгли, спрос должен быть бешеный! А тут откровенно кустарное изделие – ни малейшего следа

машинной обработки, примитивная ковка... Умелая, но торопливая. Такова же и заточка. Простая углеродистая сталь. Деревянная рукоять с клювом светло-жёлтого цвета, накладные плашки, они чем-то пропитаны или проварены в масле. Плашки крепятся двумя заклёпками из латунных трубок, та, что ближе к навершию, диаметром побольше, в неё пропущен короткий верёвочный темляк...

Во Вьетнаме я видел и мачете. Там до сих пор встречаются даже старые трофейные, добытые во время Вьетнамской кампании. Говорят, что эти мачете были приняты на вооружении армии США ещё в годы Второй мировой – американское армейское джунглевое мачете типа А-1. Рукоятка пластмассовая, тоже с темляком.

Тем не менее, вещь передо мной практичная, деловая. Клинок длинный, под шестьдесят сантиметров, расширяющийся, с крутым сбегом к острию. Ножен нет.

Что делать? Повторюсь, мачете всего одно.

– Посоветуешь, не? – спросил я у попугая.

Хрен он чего посоветует, думай сам, Дар.

В принципе, в лодке есть маленький топорик. Шастать по джунглям я не собираюсь. Обороняться? Ведь я ни разу не фехтовальщик, снаряд незнакомый, непривычный – в переплетении кустов без навыка можно запросто ампутировать себе конечность. В лодке таким палашом оперировать вообще нельзя, пропорешь борт к чёртовой матери. Кроме того, придётся самому делать ножны.

Оставлю мачете следующим попавшим.

Тем временем на небе собирались тучи. Это плохо, в дождь не пойду.

Успокоенный рекомендательным письмом на тему Кеши, я без опаски поглядел на реку. Раз сказали, значит, предупредит...

Так, что ещё имеется?

Кусок плотного полиэтилена, примерно два на два. Пусть лежит в сейфе, в лодке есть натяжной тент, при необходимости поставлю.

Две последних вещицы втыкали особенно.

Большой старинный пистолет! Новодел. В отличие от мачете, сделан очень аккуратно, мастерски. Дикая вещь! Десять пулевых зарядов заранее расфасованы по мешочкам и уложены в плотный полиэтиленовый пакет. Инструкция по применению, правила ТБ, надо же! Первым делом я, как конченный идиот, заглянул в ствол. Затем потряс оружие стволом вниз... Таракан не вывалился. Ну растерялся я, получив в руки раритет!

Ничего не поделаешь, огнестрел тоже придётся оставить.

И последнее – лодка. Старая советская беда грязно-зелёного цвета под издевательским названием «Нырок». Обычно прилагающиеся к плавсредству гребульки – «теннисные ракетки» – отсутствовали. Вместо них в углу стояло самодельное деревянное весло. Можно было бы и местную пирогу поставить рядом... Хотя фиг. Сажать в пирогу новичков

неразумно – проще сразу в реку скинуть. Вариант безлодочности на деле будет чрезвычайно редким, так что это просто подстраховка. Согласитесь – полный комплект. Земной поклон тем, кто позаботился обо мне, грешнике.

Да, чуть не забыл! Хозяева схрона оставили в сейфе карандаш и лист бумаги с просьбой черкануть записку. Такой-то, оттуда-то, попал тогда-то, взял то и это, планы такие... Не факт, что попавший на островок доплывёт до конечной точки. А так – статистика: как Крест работает, кого он, падла, затягивает...

...По навесу застучали первые капли.

Вместе с небесной хмарью опять навалились невесёлые думы.

Если к случившемуся причастен какой-нибудь разум, то это чистое скотство – без всяких предварений засасывать в проклятый Крест ни о чём не подозревающих людей, совершенно неподготовленных для переброса в такое опасное место! Им неизвестна фауна реки, нет мгновенного понимания проблемы: «Внимание, быстрее, гребите к пляжу! Тут и аллигаторы могут водиться, и пираньи барражировать стаями!»

Нет, я верю, что позже, если выживу и освоюсь, окружающий пейзаж покажется мне вполне милым! Но пока... Хотелось думать, что это не способ особо изошрённого убийства, к чему такие сложности! И всё-таки вряд ли кто-либо из упавших на воду и затянутых в Прорез выжил. По крайней мере, до той поры, пока русские люди не поставили тут депо.

Вот и как забирать из хранилища то, что тебе не особо-то и нужно, но может спасти жизнь другим?

Тишина вокруг.

Голова кружилась, меня слегка подташнивало, сердце опять забилося учащённо. Спина не болит. Суставы ломит, но не сильно, спасибо и на том. Нормально, выберусь.

Я попытался взглянуть на пейзаж более оптимистично. Да можно тут жить, Дар!

Не важно, что природа вокруг необычна, она, тем не менее, абсолютно земная. Сила тяжести привычна, кислорода хватает. Движение светила очевидно и через тучи, и по первым прикидкам ориентирования по сторонам света вполне соответствует земному стандарту.

Наши ведь живут!

Наши... Ещё добраться до них надо.

Есть у меня такая приговорка: «Борись!» Не хочется что-то делать, теряется воля, возникает желание «отойти под предлогом», мешает лень или жадность – я всегда сам себе цитирую: Борись! Встань, надень штаны, иди и сделай.

Чуть похолодало, стихия набирает силу. Тяжело вздохнув, я поправил футболку, натянул на голову азиатскую шляпу и, прихватив ружьё, подошёл к берегу.

На дворе развивалась чрезвычайная ситуация. Широкое русло реки вздыбилось под быстро усиливающимся ветром, частые волны засеребрились барашками пены. Не лодочное время, всем в гавань... Осторожно спустившись под уже на-

чавшимся дождём на песок – трава намокла, очень скользко, – я, с опаской глядя на кромку поднимающейся воды, потянул лодку повыше...

Переждём местный шторм и поедем дальше.

«Борись». Это основы... Себя пристрой, найдись в обстановке. Потом подумай о других, если сможешь. Не нарывайся раньше времени, прикинь обстановочку, оцени! Наметь шаги.

И только потом решай.

Глава 3

Большая вода. Выход на оперативный простор

Стартовал я в перерыве между ливнями.

Перед этим поставил и закрепил бортовой тент, включил помпу, откачал воду, которая успела набраться в пайоле. Долго возился, перекладывая снаряжение поудобней – самое актуальное поближе, необязательное подальше. Минут пять ходил по берегу геологом, глазами вниз, проверяя, не забыл ли чего, не потерял ли? Напоследок съел кусок жарено-сушёной рыбы, наполнил термос горячим кофе, хлебнул глоток из фляжки «от простуды», как авторитетно сказал сам себе, отшвартовался и двинулся вниз по течению Аракары, прощально помахав рукой дружелюбному попугаю.

Как только встал на стремнину, возникла новая фобия.

Топливо. Точнее – его нехватка. Вроде бы и много в запасе... Жим-жим? Жим-жим.

По какой-то таинственной причине мои покровители не предоставили точной информации по многим существенным вопросам. Расстояния до контрольных точек есть, а вот кто и где тут живёт вообще? Есть ли города на планете? Словно не доверяют. Хотят выяснить, кто к ним прибыл? Хотят присмотреться?

Поэтому лучше бы поберечь. Имея приличный запас горючего, мощный мотор и скоростное средство передвижения, я заведомо нахожусь в выигрыше перед любым зверем и перед любым рукотворным судном-тихоходом.

А что! Всё равно иду по течению, пусть несёт!

Заглушил двигатель, лодку тут же начало разворачивать лагом. Какое-то время я подправлял судно вёслами, потом плюнул, так и поплыл. Уже прошедшие ливни подняли уровень воды в реке, скрыв небольшие песчаные мели, эхолот показывал приемлемые глубины. Кстати, и о винтах надо позаботиться. В запасе есть скоростной и грузовой, так пусть же запас останется нетронутым.

Днём ещё ничего, а вот ночью в здешнем бассейне немудрено заблудиться, мне такие путешествия противопоказаны точно, пока опыт не появится. Много притоков, некоторые конкурируют по ширине с Аракарой. Река сильно меандрирует, причудливо петляет по зелёному ковру джунглей. Все впадающие речушки похожи одна на другую, словно темные переулки старых городов, в которые по ошибке сворачиваешь с главной улицы, отличающейся от прочих лишь количеством магазинов и кафе. Здесь магазинов не видно. И обычных на Енисее створных знаков – тоже. Вода в притоках темная, но не мутная.

Несмотря на подъём после дождя, в нескольких местах встречались перекаты, все поближе к левому берегу. Держась правого на расстоянии десятка метров от свисающих к

воде крон, можно было идти свободно.

Погода опять портилась. Хотя, как портилась... Она и не налаживалась.

Вид у реки по-прежнему мрачный – над деревьями нависли клубы облаков, с островков к воде склоняются потемневшие силуэты высоких деревьев, к коричневому цвету добавился зловещий свинец. Скоро опять польёт. Завестись, что ли?

Смотри-ка, похолодало!

Уже начавшее привыкать к жаре тело заметило небольшое понижение температуры.

Я достал из рюкзака сложенный на дно лёгкий жилетик рыбака, быстро набив его всяким полезным. Сверху напялил громоздкий спасательный, к нему же прицепил погон ружья, другим концом закрепив за антабку. Если уж свалюсь в воду, то пусть ствол останется со мной. Все имеющиеся у меня патроны уложены в поясную сумку-куликовку. Прямо в жилете поплыву к цели...

Ещё утром, решив, что рукава у футболки очень короткие, придумал рацуху. Отрезал кусок тонкого кевларового шнура. На обоих концах закрепил по пучку каких-то длинных листьев... Идея простая. Суёшь рацуху в рукава футболки, как мамыши просовывают детям соединённые длинной резинкой варежки, затем надеваешь. Листья лягут по предплечьям – на воде под отражёнными от поверхности лучами можно обгореть до волдырей, как чебурек.

Пока ракуха не пригодилась. Как бы куртяк не достать!

Стихли заполошные крики вертлявых обезьян, с ветвей деревьев снялись птицы. Все умные уже попрятались. Меня сопровождали лишь неожиданные всплески по траверзу – после прохода лодки в реку запоздало сползали водоплавающие. Пока что мелкие, не тревожные. Ох, и гадостно же сейчас в дождевом лесу! Чудовищная сырость, москиты, ползающие гады и насекомые, грязь, прелые листья и гнилая вода... Постоянно что-то капает, а то и льётся. Вопреки моим ожиданиям, в джунглях что-то маловато красивых больших бабочек, видел лишь один раз. А вот пауков мелких и средних хватает, так же как длинных серых сороконожек, с виду неопасных. Впрочем, может, это просто свойство данной местности, а дальше начнётся сущий рай земной?

Когда проплывал мимо очередного притока, камыши расступились, и оттуда в мою сторону выдвинулось что-то зелёное и длинное!

Реакция была мгновенной – я запустил двигатель и сразу дал полный ход.

Лодка в левом вираже пошла на разворот. За несколько секунд я смог прийти в себя и уже поднимал ружьё. Анаконда отреагировала аналогично – резко шарахнулась, прижимаясь к берегу. Вот так встреча! Спокойно, спокойно... Двигатель рокотал на малых. Какое-то время мы шли параллельным курсом. Змея головы не поворачивала, по-моему, она прекрасно всё видела и одним глазом.

Готовность к выстрелу неожиданно улетучилась.

Зачем? Сказалась нормальная охотничья привычка не палить бездумно по любому зверю, появившемуся в пределах досягаемости ствола... До этого я пару раз видел лишь ярких зелёных змеек с красными полосочками, свернувшихся клубком на низких, заросших ярким водным цветком участках заболоченного берега Аракары.

Анаконда удивила. Большая, сильная!

Один раз из воды приподнялась средняя часть туловища толщиной с крепкую мужскую ногу. Какой длины? Да чёрт его знает. Длиннющая, сука! В фильмах-ужастиках показывают змей-монстров вполне сравнимой толщины. Вот только башка там другая – существенно шире туловища рептилии! Здесь всё не так, плывущая рядом соседка имела относительно маленькую головку. Почти безобидную, ага...

– Опять наврали!

Неужели у неё настолько растягиваются челюсти, что она способна проглотить каймана? Или какого-нибудь раззяву... Мне было очевидно: змея и не помышляет о нападении на лодку и человека в ней. Наоборот – лихорадочно размышляет, не выбраться ли ей от греха на спасительный берег? Рыскну в её сторону – тут же исчезнет в густых зарослях.

– Давай, до свиданья!

Я двинул рукоять сектора газа, лодка быстро помчалась вперёд.

Зря время теряю. Облака всё больше наливаются чёрным,

хорошо бы успеть найти проклятую баржу до очередного оглушительного ливня.

Погнали! Только на эхолот не забывай смотреть, Дар!

Ещё через час быстрого хода местность вокруг начала меняться: Аракара практически перестала петлять, а русло стало шире, по берегам всё чаще встречаются бело-серые пляжи с мелкой галькой. Притоков не видно, а вот протоки с быстрым, закручивающимся в воронки течением появились. Матёрый лес никуда не делся, ни единой полянки! Русло реки усыпано множеством островов, некоторые побольше депошного раз в пять – вытянуты в ниточку с часто нанизанными бусинками суши. Посреди буйно заросших клочков земли и галечных мелей то тут, то там груды поваленных деревьев.

Небо продолжало темнеть, ветерок стихал. Не к добру!

Успею – не успею?

Вот заблестела ярко очерченная серебром полоса большой воды. Устье!

Впереди была Лета, судя по всему, река действительно огромная, в уровень Енисею в низовьях! Ландшафт дальнего берега пока что даже в бинокль угадывался с трудом. Вода в большой реке гораздо чище, коричневой мути не наблюдалось...

Где ты?

Нашлась, родная!

По указанным до цели километрам всё сходится, не подвели!

Самая радостная картинка дня – на фоне почти романтического пейзажа в нескольких сотнях метров от устья Аракары стояла рыжая от ржавчины небольшая баржа, зарывшаяся в отмель. Настоящая речная баржа – несамоходное грузовое судно, управляемое буксиром, один из основных компонентов енисейской навигации. Давно тут стоит, постепенно всё глубже уходя в песчаное дно и обрастая после каждого ливня очередным слоем колоритной коррозии и тины.

Выглядит не заброшенной, в бинокль видны две массивные деревянные лестницы, ведущие на палубу. Навещают! Сложно предположить, насколько часто. Навещают, но не забрали. Значит... Ничего пока не значит, смотреть надо.

Для начала я, не торопясь высаживаться, на малом ходу два раза медленно обошёл островок кругом, пока не убедился, что вокруг всё спокойно. Вид стоящей на островке баржи впечатлял, это какой же был уровень реки, когда её вынесло в новый мир? Для кого-то – железное чудовище. Для меня – бальзам на душу!

Вода вокруг словно замерла.

Шухер! Сейчас ливанёт! А вот и широкий дощатый настил, притянутый к корпусу и закреплённый тросом. Туда! Очень хорошо придумано, береговой песок наверняка вязкий, топкий... Я, прихватив увесистый рюкзак, куртку и оружие, торопливо выскочил на деревянный щит импровизированного причала и начал тащить лодку наверх. Крепче вяжи, Дар, крепче, чтобы ни стихия, ни тварь зловредная не могла

утащить!

На корме баржи громоздилось странного вида бревенчатое сооружение. Входная дверь на внешней щеколде. Сверху наблюдать за округой очевидно лучше. Вот там и спрячемся, заодно и посмотрим на незнакомку.

– Ключ?! – бляха медная, и тут замок!

– Указание?!

Надпись на двух языках краской... В редукторе он спрятан, где-то на палубе! Громко и беззастенчиво матерясь, я быстро огляделся, увидел и помчался на нос. Нашёл достаточно быстро. Уф-ф...

Только зашёл внутрь, как по крыше глухо застучали тяжёлые капли дождя. Падая со свесов крыши, они быстро переросли в струйки, потом в струи и, наконец, в сплошной ревуший поток воды. Пошла дискотека!

Тропические ливни, доложу я вам, – охренеть какое впечатляющее зрелище!

Почти сразу вокруг запыльхали чудовищной яркости молнии, воздух разорвали раскаты оглушающего грома.

– Ни хрена себе...

С неба лилась почти сплошная стена воды, быстро поднимающая уровень реки. Райский мир, если смотреть на открытку, конечно, явно не был готов противостоять такому натиску.

А если так сутки лить будет? Не везёт мне, опять тормознулся.

– Ну, что тут за избушка?

Некогда на этом месте стояла кормовая рубка или вспомогательное помещение для обслуживающего персонала. Однако позже поняли, что погорячились, и поставили на выброшенной барже нормальную избушку! Очень и очень хитрую.

Собранная из толстых брёвен, она была надёжно прикручена к палубе арматурными прутами, которые гнули и вбивали в отверстия кувалдой. От кого такие предосторожности? Достаточно было приварить пару уголков, даже ураганный ветер не снесёт.

– Грёбанный Каларгон, те самые зорги! Чтобы не приподняли!

Да не, скорее всего, просто с металлическими уголками у них тут тоже реальный напряг. Со всем напряг.

Внутри было просторно и уютно, я начал раскладывать вещи, продолжая осматривать доставшееся мне помещение, в котором, возможно, придётся пересидеть несколько часов, если не целые сутки.

– А ведь скоро стемнеет.

В избе четыре узких вытянутых окошка – на все стороны. Стёкол нет, а вот толстые железные прутья, врезанные в дерево ещё при монтаже, присутствуют. Чем-то похожа на таёжные избы охотников... Да почти такая же! Вот нары друг над другом, плетёные тростниковые матрацы, маленький столик возле окна, что выходит на корму, два чурбачка вместо стульев. Но особенно меня умилила печка-буржуйка,

сварганенная из небольшой железной бочки и грамотно обложенная булыганами. Наверху вырезано отверстие, на которое можно ставить сковороду или чайник. На верхних полках – минимально необходимый запас посуды, в основном глиняной. Имеется масляная лампа. Нары широкие, пригодны для комфортного ночлега четырёх человек. Наверх выходит железная труба со шляпой почти такого же размера, как моя, только из жести, под такую никакой дождь не попадёт.

Тут уютно!

На барже было обустроено жильё для размещения охотничье-заготовительной бригады. Или рабочей группы? Только что им тут делать, рабочим? Могут разбирать баржу или перерабатывать имеющийся груз. Дождь продолжал лить как из ведра, и всё, что я смог сделать – выскочить на несколько секунд под ливень, дабы убедиться, что «Кайман» пришвартован надёжно. Какая хорошая шляпа!

Что сказать, это самый натуральный дальний кордон. Настоящих зим тут нет, значит, не зимовье, некорректно звучит. Летовка. Найдя посуду, снова высунулся и, стараясь не попасть под струи, подставил объёмы. Уж эта вода будет гарантированно экологически чистой.

Пару раз зигзаги молний ударили по левому берегу, где деревья особенно высоки.

А в баржу не ударит? Огромный кусман железа посреди реки...

На всякий случай я забрался на нары, чтобы не стоять

на железной палубе. Потом растопил печку, надо просушить одежду. По старой северной традиции под нарами хранился большой запас сухих колотых плашек, милое дело. Жадничать не буду, ибо потраченные дрова возместить мне будет нечем.

Собака, всё льёт и льёт! Мне горе – задержка в пути. Природе – лафа.

Во время такого ливня речная вода обильно насыщается нужным рыбе кислородом и гуминовыми веществами, одновременно несколько понижается её температура. По идее, после дождя будет самая рыбалка... Если окончательно станет понятно, что по нехитрому маршруту сегодня мне не пройти, то не удержусь, попробую, уже из спортивного интереса. Пока что не высунешься. Никакая одежда не спасёт, ничего не поможет, поскольку ливень не просто мощный, а какой-то сумасшедший! Льёт так, словно на облаках сидят тысячи бригад пожарных и хренчат вниз струями брандспойтов. Барабанят с такой силой и частотой, что будь у меня собеседник, разговаривать было бы совершенно невозможно без громкого крика.

Через час дождь начал стихать.

Ещё накрапывало, но, кроме лёгкой ряби на поверхности Аракары и возросшей влажности, никаких видимых последствий не наблюдалось. Теперь-то я знаю, что такое настоящий тропический ливень! Грозный, мощный и очень шумный. И всё-таки он тёплый, особенно для неизбалованного

высокими температурами северянина.

– Ну что, выходим?

Жаль, попугая рядом нет! Как ты там, Кеша?

Придётся говорить с самим собой. Так легче. Мысли быстрей устаканиваются.

Ого! Низко над водой пролетела стая жирных уток! Нормальные, без оранжевых перьев и уродливых клювов, почти как наши.

– Уточку добыть не помешало бы...

Но сначала надо осмотреть судно.

Стараясь ступать по скользкой палубе осторожно, я приступил к исследованиям. Хорошо, что не забыл поменять сандалии на родные ботинки.

Это была наливная баржа.

Лишь ближний грузовой отсек, закрытый тяжёлой откидной крышкой, которую невозможно поднять в одиночку, был предназначен для перевозки других грузов, весь оставшийся объём занимали топливные танки. Все на висячих замках. От этих кладовочек ключей мне точно не найти, они предназначены не для спасшихся. Ну и чёрт с вами, не очень-то и хотелось.

Вокруг одного из закрытых люков виднелись тёмные кляксы – там нефть или мазут. Не за тем ли сюда периодически приезжают рабочие? Ёлки-палки, а если бы молния ударила? Правильно сделали, что всё закупорили, вот пусть так и стоит.

Баржа мне нравилась.

Я вообще люблю такие монструозные технологические шняги.

И чем они грандиозней, тем краше в моих глазах. Огромные агрегаты обогатительных переделов, высоченные печи, ковши с расплавом, мощные козловые и мостовые краны, переплетения вентиляционных систем металлургических заводов – внутри каждой трубы сможет проехать небольшой джип... Горное оборудование, подъёмники огромной мощности, скиповые и вентиляционные стволы, уникальные погрузочно-доставочные машины рудников. Связки артерий гидротранспорта, по которым красноватого цвета пульпа с обогатительных фабрик подаётся в металлургические цеха, чудовищные бассейны электролиза меди и никеля, трубы высотой с небоскрёб, ветки промышленных железных дорог, тепловозы, тянущие длинные составы...

Ясно, что в обозримом будущем мне их не увидеть.

Что будет дальше?

– Не ломай голову, тебя рыба ждёт.

Пробовать на вкус местную рыбалку я решил с помоста-причала. Подумав, выбрал небольшую серебристую колебалку. Потом вытащил вертушку, тоже серебрянку, вода мутная, требуется больше вибраций.

– Ловись, рыбка, но только исключительно маленькая.

Ну вас на фиг, дайте кильку!

По идее, после дождя мелкая рыба вновь начнёт группи-

роваться в стаи и концентрироваться в заводях. Вот тут-то их и бери...

Покидал, приспособился. Ключуло минут через семь.

– Мамочки...

Это была приличных размеров пиранья, трудно не узнать эту тупую зубастую морду. Чёрная спина в сочетании с красным брюхом, плоское тело, мощный загривок и выступающая вперед бульдожья нижняя челюсть. Я легко вытащил отчаянно сопротивляющуюся добычу на настил – куда тебе против енисейских рыбин!

Вот это резак! Ради интереса начал подносить к пасти различные предметы растительного происхождения, которые поднывавшая вода занесла на причал.

Длинный лист пальмы? Хряп!

Тонкую веточку? Хабась!

А потолще? Живая бешеная гильотина перекусывала всё предъявленное одним резким движением челюстей. С громким щелчком. После этого купаться в воде Аракары мне категорически расхотелось, а ведь планировал окунуться... От злости с излишней силой шарахнув рыбину башкой о доски, я спокойно вытащил тройничок и закинул добычу на палубу. Полежи пока.

Теперь неплохо бы посмотреть на уток.

Патрона будет жалко. Тем более жалко истратить его на уток. Только, знаете... Мне сейчас нужна эта маленькая победа. Как доказательство того, что я могу выжить. Для само-

успокоения. Только один!

Надёжный двигатель завёлся с полпинка, лодка медленно выруливала на середину реки. Поехали, посмотрим на Лету. Я специально не торопился огибать стрелку, стараясь не шуметь. При охоте на водоплавающих с лодки это самый выгодный момент – незаметный тихий выход «из-за угла». Стая уток, недавно пролетевшая над моим убежищем, села где-то за мысом, вот туда мы...

На Аракаре садиться не хотят! Боятся кайманов и прочую зубастую сволочь.

С большой воды островка с баржой почти не видно, мыс закрывает обзор. Если бы не возвышающаяся на корме избушка, обнаружить железное чудовище случайно не удалось бы никому, надо заходить в Аракару. Большой пологий холм левого берега стрелки раскинулся в сторону Леты вытянутой поляной, украшенной разноцветным ковром из каких-то тропических цветов. Обалдеть, как красиво... На огромной реке было тихо. Гигантская водная лента шириной в три километра несла свои воды на юг медленно, важно. Вечное неумолимое движение.

Над мокрым изумрудом джунглей кружили инопланетные птички, симпатичные, вполне привычного вида. Ага! Вдоль левого берега над водой низко прошла группа жирных уток, или даже гусей, вслед за ней пролетела ещё одна стайка. За камышами сели! Непуганые, возьму как миленьких!

Как ни старался я выйти незаметно, а не получилось, за-

метили. Утки ещё подумали, с изумлением глядя на неведомое чудо, а потом поднялись в воздух, чтобы перелететь на другое место. Ба-бах! Успел на один выстрел.

Есть! Подшиб! Одна утя свалилась камнем, даже крылом не трепыхнула. Можно считать, что это большая удача – попал-таки! Если учесть, что я, как последний лох, забыл переставить на место четырёхнулёвки обычный дробовой патрон и бездарно сжёг ценный боеприпас... Не соверши этой ошибки, снёс бы за раз не меньше трёх штук. Оболтус!

Забрав с воды добычу, причалил к песчаному плёсу и принялся разделывать утку по-походному. Никакого азарта не чувствую, просто еда, господа, просто еда... Шкуру содрал вместе с перьями и выкинул, ещё ошипывать предложите! Крылья снёс. Утка оказалась необычайно большая, так что берём только филей. Я хотел промыть трофей в достаточно чистой, по крайней мере, на вид, воде большой реки, а не пользоваться аракарской-шоколадной. Понюхал. Запах самый обычный, рыбой не отдаёт. Интересно, встречаются в бескрайней Вселенной ядовитые утки?

Жира хватает и под кожей. Решено, буду тушить в малом количестве воды.

Слушайте, ну это же полный сюрреализм!

Я только что попал на другую планету и теперь совершенно по-земному распластываю привычными движениями почти земную же утку, собираясь затеять нехитрую готовку.

В избе! Северной!

На барже. Земной.

А вокруг – речные чудовища, где-то бродят зелёные инопланетяне...

И при этом главное уныние – глупо потраченный патрон. Вернувшись к месту стоянки, я внимательно изучил полки под потолком, появился смысл. Нашлась соль в глиняном горшочке, сухие нарезанные листочки, похожие на чай с приятным запахом, и странного вида длинные твёрдые палочки коричневого цвета. Лизнул. Да это сахар! Живем, ещё и чайку заварю!

Вскоре готовка пошла в полный рост – в котелке томились лучшие куски трофея, я вытащил один чурбак на палубу, сидел, смотрел на реку и попивал из своей кружки душистый напиток, время от времени отгрызая от палочки сладкий кусочек.

Вечерело. То есть ночерело – свет пропадал стремительно.

Допил кружку, выкурил трубку, и наступила ночь.

Вторая в новом мире.

...Под тропическим звёздным небом тёмный корпус баржи приобрел совсем другой облик – зловещий, постапокалиптический... Опустошённые тучи постепенно уходили на восток, погода нормализовалась. Со спокойствием и тишиной на акваторию начали спускаться древние страхи. Зажег лампу и поставил её на стол.

Сидеть на улице без ружья не хотелось.

Пошёл за стволом. Посидел ещё немного.

Потом залез в избу. Вот теперь я хорошо понимаю, зачем тут аж четыре оконца! Ох, и хорошие окошки они соорудили, хрен в них кто пролезет! Баржа стояла с наклоном на нос, и если сидеть на нижних нарах, то видно место впадения реки в Лету. Оглянулся – отличный обзор с кормы.

Джунгли начали звучать. По-ночному, тревожно до дрожи.

Опять вышел и, кряхтя и упираясь, втащил обе лестницы на палубу. Тяжёлые, суки! Всё, теперь я на осадном положении.

– Зорги эти паскудные...

Перестань, Дар, накаркаешь.

Делать нечего – я запер дверь на щеколду. Не помогло, не отпустило.

Они, зорги, такие... Наверняка страшные и кровожадные до изумления. Колдовские, варварские, никакого человеколюбия. Они обладают высокой устойчивостью к радиации, высоким температурам и имеют экстрасенсорное восприятие любых соседствующих биополей. В безлунные ночи на специально расчищенных культовых полянах зорги раз в году приносят человеческие жертвы.

Фантазия пошла вразнос.

– Раз в год? Держи карман шире, каждый месяц головы режут.

Достают из труднодоступных чашоб своего деревянного

идола со следами жира вокруг страшной рожи, нечто вроде мексиканского бога войны Вицлипуцли. И начинается древний кровавый культ. С пойманными попавшими олухами...

Ох, что-то меня трясти начало. Достал и надел куртку.

Проверил и перезарядил ружьё.

– И не деревянный идол, а каменный. Мегалит.

Проверил, как пристраивается в окна ружьё. Лучше всего в сторону кормы и на правый борт, где стоит лодка. Хуже – на бак и на левый борт, там просто ничего не видно, кроме обреза палубы, баржа ещё и слегка накренилась направо. Правда, с той стороны и причалить невозможно, а на борт трудно забраться даже при помощи кошек, зацепиться не за что.

– Эх, где ты, Кеша, родненький...

Не помогал ни чай, ни кофе.

Тушёнку снял, пахнет варево вкусно – а мне теперь и этот запах тревожен! Что за чертовщина?

Запах собственного ужаса...

Достал и потряс фляжку, синьки ещё хватает. Торопливо вмазал, отхлебнув хороший глоток. Потом ещё один, и опять без закуски. А вы бы не вмазали, сидя в одиночестве посреди неизвестной планеты во враждебном окружении?

Спиртное тоже не помогло, началась полная жесьть.

Фантазия вновь заработала, с удвоенной силой.

В моей голове возникали ужасающие картины, словно я не спиртного выпил, а наелся годных грибков: мне чудилось,

что из каких-то технологических отверстий, прорех в корпусе и внезапно открывшихся люков танков лезут змеи-людоеды, по палубе в сторону избушки крадутся чёрные пауки размером с павиана, воздух вокруг приобретает едкий запах серы, а по дощатому настилу уже застучали пятки зомби-зоргов, возвращённых в подлунный мир после колдовского ритуала.

Подкрутил лампу поярче.

Не могу сдержать мутного потока собственных страхов! Словно кто-то в голову вбивает. Не загнать мне в темноту демона, который, летая над старой баржей, смеется надо мной и нехорошо шутит с человеческим сознанием, показывая самые страшные картины...

– На палубу выходи, Дар, здесь с ума сойдёшь.

Опять перезарядка ружья! Пули теперь, пули! Гадство, почему я не взял с собой «Сайгу»?! Как было бы удобно: бац, пулевой магазин вставил! Бац, картечный!

Всё происходило, словно в фильме ужасов.

Взгляд в оконце – мерцание звёзд и какой-то хрип вдали.

Следующий кадр с медленным переводом дрожащей камеры, этот момент почему-то особо врезался мне в память: собственные руки, странно тонкие и бледные, словно у покойника, с усилием отодвигающие тяжелый засов, толкающие дверь.

Дверь скрипнула так, что я чуть было вновь её не захлопнул.

Подышать надо. Успокоиться. Так жить невозможно.

Для начала я медленно, крадучись, обошёл замершую баржу по периметру, внимательно всматриваясь в берега, особенно в левый, который совсем близко, и в тёмную воду проклятой Аракары. Пригибался, словно диверсант во вражеском тылу. Чёрт возьми, это же моя баржа! Моя крепость!

Был я знаком с одним тундровым отшельником, понарасказывал он страшных историй, происходящих с людьми, рискнувшими жить в дикой местности в одиночестве...

Колоритный был тип. Звали его просто: старик Барабанов.

Седой обросший дедок в длинном ветхом плаще, появляющийся рядом с пришлыми туристами да рыбаками неожиданно, как чёрт из табакерки, и мистически страшновато, словно древний тундровый дух. Он всегда жил один, может быть, идейно, но ещё вероятней был житейский вариант «так уж вышло». Говорят, что жена не захотела разделять участь и взгляды старого диссидента и проживала в Норильске, по слухам, продавая наловленную им рыбу и снабжая мужа-отшельника примитивным сырьем, стандартной наборкой «порох-соль-сахар-чай». Легенд про него гуляло предостаточно, одна лишь история о том, как он пешнёй через рубероидную стену убил любопытного медведя, чего стоила...

Знатный был рассказчик. Слушатель потом всю ночь в палатке трясся, уснуть не мог.

Да, в такой ситуации поверишь в любую чертовщину.

Человек, решивший или вынужденный бежать из города

жизненными обстоятельствами, и потому, в отличие от нас, нормальных людей, проживающий в дикой глуши, со временем неизбежно становится мистиком. Любой, безотносительно степени его скептицизма, попав в ситуацию, когда недельку-другую придётся пожить в каком-либо затерянном уголке, быстро начинает это понимать.

Там будет тихо...

Но это не цифровая тишина зловещего эпизода из фильма на диске! Это живая тишина, гармонично наполненная текущими звуками.

И в этой тишине нет места рациональным объяснениям «с научной точки зрения»...

Почти каждый человек в своей жизни сталкивается с чем-то запредельным, но далеко не все решаются говорить об этом вслух. И не в любом возрасте. Почему-то проще об этом говорить до двенадцати лет или же после сорока, так утверждают знающие люди. Любые разговоры на эту тему в компании развиваются по одному и тому же характерному сценарию. Сначала идут насмешки и остроты разной степени заточки. Потом один информант всё-таки начинает рассказывать что-то конкретное: тогда острия сарказма направляются на него. Но постепенно, если он выдержит линию, начинают слышаться голоса уточняющие! Вскоре в разговор вливаются все, и тогда выясняется, что очень многие из тех, у кого часть жизни проходит в поле, видели, слышали лично или наблюдали последствия таинственного феномена!

Особенно мне запомнился рассказ Барабанова о Синильге.

Той самой, так образно описанной в «Угрюм-реке»... Ничего удивительного, феномен эвенкийского происхождения, а это наши соседи с юга. Как правило, «синильга» появляется возле двери закрытой жилой избы. Человек, спящий либо бодрствующий, каким-то таинственным образом чувствует её появление рядом с жильем и цепенеет в жутком ожидании. Если спит – просыпается. Силуэт женщины, полупрозрачный и более плотный, что ли, в центре, визуально проявляется прямо сквозь закрытую дверь. Порой она входит в помещения, просачиваясь через запертую дверь, и начинает по-хозяйски бродить по комнате, вызывая инфаркты.

Подобные видения, как рассказывал мне Барабанов, наблюдали, в том числе и он сам, в избах на озере Хета и на реке Пясины, в одном заброшенном поселке. Каждый раз ситуация была жуткая... Два года назад я посетил эти руины в самый разгар зимы, приехав с друзьями. Мы оживили уцелевший домик, протянули электричество от работающего вездехода, растопили печь, приготовили ужин и стали пережидать по-настоящему студеную ночь, чтобы утром двинуться в обратный путь. Страшно там. Обстановка была такая, что ни отходить от избы, ни, тем более, бродить по окрестностям поселка-призрака категорически не хотелось...

– Не морочь себе голову, – приказал сам себе.

И почти сразу же услышал свист.

С реки. Со стороны Леты.

Громкий и резкий!

В этот момент я как раз находился на носу. Сразу присел, а потом перебрался за огромный редуктор, спрятавшись за корпусом. Туч почти не было, над акваторией начинало сиять звёздное небо.

– Птица?

Редуктор мешал, и я привстал, чтобы рассмотреть хоть что-нибудь. Шаг вперёд, потом два шага в сторону. Ничего не вижу! Лишь чуть серебрится вода у стрелки.

Свист повторился, и тут я начал шептать в темноту откровенным очищающим матом...

Вот теперь интересное!

Только сейчас, в самый жуткий момент, Дарий Квачин наконец-то вспомнил, что у него, олуха, имеется «тепловик»!

Без батареек, которые ещё надо найти и вставить! Идиот!

Услышав загадочный свист третий раз, совсем близко, как мне показалось, от баржи, я замер, как примороженный. Только сейчас понял, что такой звук птичье горло издать не может! Я вдруг затрясся всем телом, мистический ужас снова охватил меня.

Это эти...

Чужие живые.

Хотел повернуться и броситься назад, но ноги на этот раз подвели, словно вросли в ржавый металл. Я с отчаянием обернулся и посмотрел на корму, где стояла спасительная

изба с прочными стенами и тёплой печкой. И где в рюкзаке лежал такой нужный мне сейчас прибор наблюдений!

А когда развернулся в сторону Леты, то было почти поздно.

Что-то огромное, плавающее, легко разрезая воды Аракары, стремительно приближалось к барже. Млять, это пирога! Большая длинная лодка, в которой сидели... существа.

Не киношные тарзаны и не умненькие такие маугли.

Зорги!

Я не мог в темноте разглядеть цвет кожи, сидевшие гребцы казались мне серыми, а не зелёными. Какие-то палки или перья торчат в башках... Шестеро на вёслах и один на корме. Тяжёлые длинные копья... Луки. Командир, тварь повыше любого человека, которого мне доводилось видеть, привстав на кормовой банке, что-то рыкнул. Гребцы поднажали.

Метров сто!

Что делать?

В отличие от меня, гоблины могут запросто ходить ночью! Заметили силуэт баржи, проходя по Лете мимо? Вполне может быть... Я был так напуган, что, как мне казалось, сердце уже остановилось.

Свет в окне! Я же лампу забыл погасить, своими собственными руками нарисовав светящуюся мишень на груди!

Опять идиот!

Что делать, падла?!

Если я сдам баржу, они тут всё разгромят и вынесут. По-

том зарядят рейд вверх по Аракаре и запросто могут найти схрон. Который незнакомые мне хорошие люди сделали для людей. Получается, я единственный защитник стратегического объекта, так? Наверное, только эта мысль и придала мне сил.

Общаться с ними категорически невозможно, очень агрессивны... Крайне важно – они не умеют плавать! На Аракаре в последнее время не встречались.

– В воду, жабы...

Прицелился.

Семьдесят. Выдохнул. Ох, и бодро же идут!

Ба-бах! В ночной тишине выстрел «Браунинга», отражаясь от резонирующего металла, прозвучал, как гром небесный. Вожак гигантским прыжком перелетел на нос. На ногах! Почти как человек. Но не человек.

Один из гребцов поднял лук. Ещё один!

Ба-бах! Вторым пошёл «обрезок». Есть, по месту!

В пироге кто-то истошно заорал. Пошли короткие команды на незнакомом примитивном языке. Я тоже присоединился к рёву и быстро добил по цели остаток, тут же начав перезаряжаться и одновременно удивляться – как же сноровисто это у меня выходит!

По-моему, второй обрезок вышел некачественным, начав

разваливаться ещё на подлёте и рассыпая дробь на головы гребцов. Пошёл тем самым перевёрнутым контейнером. Не там подрезал! Мамочки, да ведь мне это и надо!

«Браунинг» исправно грохотал. Я, стараясь не высываться из-за корпуса редуктора, захватывал в руку по два патрона, быстро заряжал, стрелял и смотрел, как крепко повреждённая лодка зоргов уходит на разворот, потеряв минимум троих, в том числе и вожака. В воде, словно чудовищный поплавок, болталась чья-то голова, взлетали вверх мощные руки.

Ба-бах! Ба-бах! Дробовые утиные патроны взбили на воде кровавую пену.

Ну почему у меня не калашниковская «Сайга»!

Когда полузатопленная пирога скрылась в темноте, торопливо уходя обратно в Лету, я обвалился на редуктор спиной и завыл, как брошенный самкой волк, размазывая по лицу горячие слёзы... Руки автоматически вновь набивали магазин.

– Всё... Хватит! – остановил сам себя.

Быстро подошёл к борту, осматривая реку с опасной стороны поверх ствола.

– Не научился плавать?

Враг отступил, а русские победили. Пока везёт. Саднило плечо, в горячке я не всегда успевал правильно вкладываться. Сильно дёргалось левое веко.

– Нет, ребята, надо сматываться!

Обойдя баржу по периметру, я вернулся к избе и заметил, что возле окна, выходящего на Лету, что-то торчит.

Это были стрелы.

Настоящие индейские стрелы сантиметров под восемьдесят в длину, с полосатым оперением и примитивным железным наконечником-резаком. Широким.

Такой очень хорошо рвёт нежное человеческое тело.

Эх, Дар, тебе бы книжки писать... Фантастические.

А по сути это будут мемуары.

* * *

Солнце и брызги!

И в этих брызгах на выход из Аракары летел мой верный «Кайман».

Я шёл на полной скорости, решив, что выскочу в Лету, как снаряд из пушки, и чёрт с ним, с винтом. Вылетел и тут же, сбавив скорость, пошёл на разворот, надо посмотреть, нет ли поблизости коварных зоргов? Ушли они или остались горевать и готовить мне гадость?

Встав в полтора сотне метров от берега, я прошёлся с километр – сперва против течения, потом вернулся обратно. Хрен вы на такой дистанции достанете лодку своими допотопными луками. Судя по качеству стрелы, ваша дистанция – пятьдесят метров, может, чуть побольше.

По берегам никого не видно, никаких следов присутствия

гоблинов. Если дикари уже имели дело с людьми и хорошо представляют, что такое огнестрельное оружие, то искать их здесь не стоит. После потери численности уйдут восвояси, снова на ствол не полезут. Ребята они наверняка мастеровитые, пирогу не в специализированном магазине приобрели. Если смогут вытащить на берег, то подлатают и свалят.

А может быть и так, что потопли все, дыр я им в корпусе навертел прилично.

– Поехали!

Согласно указаниям, мне теперь предстоит пересечь основную артерию региона и спокойненько так, не напрягаясь, плыть вниз, придерживаясь левобережья. Хоть под мотором, хоть дрейфуя.

Пока не наткнушь на нужный остров под названием Кайман.

Символично, да? Кайман на каймане...

Вода в огромной реке была несравненно чище, чем в Аракаре. Какое-то время широкая после дождей шоколадная лента выноса Аракары текла, не смешиваясь с Летой, но уже через пару километров растворялась в величии артерии-хозяйки.

Реку я пересёк быстро, а там уж пошёл почти на холостых. Современные моторы, они такие – при необходимости рвут, как бешеные, но и топливо улетучивается с совершенно другой скоростью. Стояло ранее утро, и пока я не видел никакой необходимости гнать, до вечера всяко успею дойти, заявлен-

ный в инструкции километраж – сто семьдесят четыре кэмэ – позволяет на это надеяться.

Уже километров через десять пути сплошной изумрудный лес начал уступать место более разнообразным и более радующим глаз ландшафтам. Смотри-ка ты! Полянки есть! И даже поля! Появились обширные ровные участки на береговых террасах, лес теперь стоял не сплошной стеной у берега, а вдали. Берега повыше и явно посуше, можно и выйти, если захочется.

За кормой, то есть на севере, вдали громоздились горные пики.

Мимо проплывала неведомая страна – широкая равнина с огромной рекой. Необъятная дикая глушь. И никаких следов человеческого присутствия.

После вчерашней стычки я приобрёл опыт.

Не могу сказать, что он мне понравился. Да, это не люди...

Не понравился. Но он нужен в новом мире, тут не может быть никаких сомнений.

И вообще – я несколько освоился, даже похвастаться хочется, да некому. Уже автоматически держу безопасную дистанцию между лодкой и берегом. Правильно осматриваю акваторию. Ствол лежит удобно. Такой весь идеальный, аж противно.

Одна беда – скоро будет жарко. Опять горячий воздух, даже над рекой... Так и подмывает поднять скорость, чтобы стало попрохладней. Под футболкой – детсадовская ракуха,

листья приятно щекочут предплечья. Вот только шнур надо бы перекинуть наружу, неприятно натирает.

Рыбы здесь... Ловить не переловить.

Вот в Юго-Восточной Азии всю уже выловили, теперь разводят. Во всех смыслах. В любом ресторане вам с гордостью расскажут про свежевывловленную дикую рыбу, а подадут садковую, особенно это распространено в Таиланде. Её же поставляют на экспорт. Смотрел я, как их разводят и чем кормят... А уж вылавливают вообще всё, до последней рыбёшки.

Вообще-то, хорошо бы найти на берегу мелкий песчаный пляж, откуда просматривается округа, и искупаться, чтобы смыть остатки липких ночных страхов, кои сейчас, под ярким солнцем, кажутся досадным недоразумением.

Начал смотреть на левый берег пристальней.

Собственно, только поэтому вовремя и заметил добычу...

Сразу за небольшим заливчиком на мысу стояла лодка.

Я немедленно сбросил скорость, скорректировал курс, достал бинокль и начал изучать загадочный объект.

– Никого нет...

Рядом в Лету впадал небольшой ручей с водой, очень чистой на вид. Или я уже просто отвык от по-настоящему чистой воды? Людей поблизости действительно не было, и жилья на берегу – тоже. Место – какое и подыскивал для купания, даже страшновато подходить, под днищем «Каймана» песок, очень мелко. Из опыта, причаливал прямо в месте

впадения ручья, там поток вымывает грунт.

Ну, что предпринимаем?

Посмотрел ещё – даже кустов поблизости нет, во все стороны на триста метров прекрасный обзор, никто не подкрадётся. Покряхтел немного в сомнениях и решил отправляться на разведку по суше, предварительно подвытащив «Кайман» на травку возле ручья.

Подкрадывался медленно, с ружьём наперевес.

Это был мореходный ялик. Брошенный.

Длина – чуть более пяти метров, сразу измерил шагами. Ширина – метр семьдесят примерно, рулетки не взял, уж извините...

Материал – пластик. Тостый, прочный. По килю пущен широкий титановый уголок. По первому впечатлению, ялик совсем новый, не покоцанный.

Верх судна белый, борта выкрашены светло-синим.

Надпись с двух сторон белым: «Claudia».

– Девочка, значит. Иностраночка.

Обалденная штука! Есть небольшая каютка на носу и швертовый колодец. Высота борта хорошая, игрушка создана для моря, в приличную волну можно ходить, и будет сухо. Прочный транец под подвесной мотор, самого мотора нет, сейчас на транце стоит руль. Возможна установка паруса – мачта из трёх элементов-штанг, не знаю, как правильно они называются по-морскому, почему-то снята, комплект лежит внутри. Паруса, к сожалению, не было...

Пошурудил внутри найденной на берегу корявой палкой – интересно, змей там много греется? Полосатеньких таких, очень неприятных на вид. Никто не зашипел, чисто. Запрыгнув внутрь, я начал бегло осматривать махонькую каюту – посредине стоит поддерживающий пиллерс, сверху есть степс, специальное устройство для установки мачты. Сразу за каютой – два сиденья вдоль бортов, дощатые, крашены в оранжевый цвет, под сиденьями размещены рундуки.

И никаких признаков, что в последнее время в ялике были люди.

Что, вот так пустым в Прорез и затащило?

Нет уж, я такую добычу не брошу! Если на Земле он и был для кого-то яркой игрушкой, то здесь такое плавсредство дорогого стоит. Надо буксировать.

И вот тут возникают определённые сложности. Транец у меня хоть и солидный, но не совсем приспособлен для буксировки таких судов. Придётся идти осторожно. Я даже прикинул – а не перебросить ли мне подвесник на ялик?

«Разбежался! С ходу сесть на незнакомое судно? Оно вообще на плаву будет держаться, ты проверил?» Чертыхнувшись, я выскочил на берег, рухнул на песок и начал внимательно осматривать корпус, особенно днище. Цела ласточка! – С названием, конечно...

Согласитесь, «Claudia» – слишком уж выстёгивает.

Нет бы как-нибудь... подинамичней. «Comet», например! Однако я не хочу менять имя, не окажется ли это плохой

приметой?

Ёлки, надо же рундуки осмотреть!

В одном лежал парус из лёгкой синтетической ткани красного цвета. Доставать я не стал, не горит. Ещё одна удача!

Во втором находился небольшой набор инструментов, рядом с ним пила, монтировка и тяжёлый молоток, скорее даже мини-кувалда. Ещё какие-то блестящие блочки и ручки-крутилки. Это для паруса! Один хрен, без хорошего инструктора с парусным хозяйством я не разберусь. Самостоятельно же такого наяхтсменю...

Третий рундук хранил всякое электричество: аккумулятор, провода, штангу с фонарями и сигналом, а также ручную помпу.

Последний был почти пустой. Аптечка в мягком футляре и оранжевого цвета ракетница в светло-серой кобуре из кордуры. Плюс десять сигнальных патронов красного огня. Так это же вообще шикарный подарок!

Вдалеке, на границе леса, что раскинулся за поляной, раздался громкий рёв.

Я моментально напрягся и бодренько запрыгнул на крышу рубки, откуда хорошо было видно окрестности. Рёв больше не повторялся, но я не успокоился.

Похоже, мне опять не удастся искупаться. Или... Была не была!

Вода из-за впадавшего ручья почти прозрачная, увижу, если что.

Не размышляя больше ни секунды, я моментально скинул одежды и полным адамом полез в тёплую воду прямо возле найденной лодки. Тут же сообразил, что бельё тоже нужно бы сполоснуть, но возвращаться уже не хотелось, в конце концов, стирку можно проводить и на ходу. Женщин поблизости не наблюдается, так что и голяком похожу. Крошечные рыбки щекотали ноги, их стайки были хорошо заметны на фоне золотистого песка. Господи, как же хорошо!

...Лодка двигалась не очень быстро, но зато целенаправленно. Упёрто.

Дальнейшая разведка меня не интересовала, теперь нужно просто дойти до места. Пустой ялик шёл легко, и заметной нагрузки на корпус не наблюдалось. Поначалу была проблемы с рысканьем «Клавы» – моя кильватерная струя не попадала на киль ялика, пришлось экспериментировать с длиной буксировочного троса и углом постановки руля. Потом всё пошло нормально.

Мимо проплывали берега великой реки.

Крокодильи рожи видел всего один раз, по какой-то причине их тут существенно меньше, чем на Аракаре. Может, меньше и мест для качественных засад? Несколько раз видел обезьян, сидящих прямо на песке у воды. Скучают, что ли?

«Кайман» тащился, словно утюг у приснопамятного Кукцева, никакого изящества и привычного полёта.

Теперь я не вилял, то и дело подворачивая и рассматривая на берегах заинтересовавшее, а шёл строго по кратчайшим

прямым. Попадались и острова, небольшие. Отсчёт пройденных километров вёл приблизительно, по отрезкам береговой линии, на глаз.

Наконец, впереди показалось место, определённое в инструкции, как завершающая точка моего путешествия. Поскольку я шёл вблизи берега, то к большому лесистому острову начал подходить не с реки, а со стороны протоки. На ближнем мысе стояла одинокая сторожка. Всё, больше никаких строений. И, тем не менее, это он, остров Кайман, первое обжитое место, хоть какое-то...

Прямо напротив острова Кайман в мелководной бухте стояло ещё одно поселение.

Туземного типа, не могу подобрать другого слова.

Додж, господа, это не только знаменитая автомобильная марка. Это ещё и группа специфичных туземных домиков, стоящих на сваях прямо в речной воде или в болотистой местности тропических стран. На земной Амазонке так называют и некоторые поселения местных, и туристические базы. Часто доджи имеют особые внутренние пути сообщения – мостики между домами и даже целые улицы. Домиков было немного, всего пять штук. Все соединены переходами. Жилища небольшие, примерно пять на пять, окна затянуты противомоскитной сеткой. Крыши покрыты длинными связками пальмовых листьев. Во многом такое размещение удобно – и вода рядом, и слив понятен. Возле парочки домов я заметил людей, копошатся. Под ближним к берегу рядом свай

воды нет, песок. Наверное, поднимается во время дождей.

Елки-моталки, курицы! И собака бегает! Если мне придётся и дальше путешествовать в одиночку, то, за неимением умного попугая, хорошо бы завести хвостатого друга. Так оно спокойней.

Проводов электроснабжения не вижу, генераторов не слышно, зато на двух домах блестят панели солнечных батарей. Да... Не так уж и первобытно живёте, товарищи!

Сбоку от доджа на берегу стоят длинные деревянные лодки, шесть штук, из них две парусные. Три лёгких каноэ, брр... вспомнил зоргов. Ни за что не сяду! Две местные женщины-азиатки стирали в реке бельё, зайдя в воду по колено. Не боятся! Одеты в лёгкие куски ткани, за спиной тазы, всё из пластмассы. Ребёнок сидит на песке, что-то строит... Всё просто и естественно.

А шляпы-то, как та, что досталась мне!

На душе стало легче. Жизнь здесь идёт в спокойном русле.

Но где русские?

За спиной заревел мощный двигатель.

С речной стороны острова вылетел большой белый катер. Именно катер, а не моторка, водомёт. Солидная дорогая машина.

К этому времени я уже подходил вплотную к острову.

Громко рывкнула сирена, громкоговоритель, установленный на катере, сильно исказил чей-то спокойный уверенный голос.

– Да ладно тебе... Ближе подойди.

Я сбавил ход до минимума. Останавливаться не буду, чтобы не терять управляемость караваном. Бодро подлетевший катер, останавливаясь с подъёмом приличной волны, тяжело осел в воду рядом.

– Приветствую! – радостно рявкнул крепкий загорелый парень среднего роста. – Судя по знакомой шляпе, с Аракары?

Красиво стоит, дьявол! За хромированный поручень держится одной рукой. Одет в лёгкий жилет синего цвета с надписью «Полюс-Золото» и короткие зелёные шорты с кучей карманов. Почти белые волосы выбиваются из небрежно повязанной банданы, красной с огурцами. Под другой рукой – ружьё в штативе, украшенное на прикладе патронташем. На поясе кобура. Из левого кармана жилетки выглядывает коробочка уоки-токи, на шее – шнурок ножен с нек-найфом.

– Михаил Чубко! Боцман парохода «Темза». Мы тебя издалека увидели, но не думали, что ты протокой к Кайману пойдёшь, все обычно рекой ходят...

Представился и потянулся вверх, чтобы пожать ему руку.

– Что, сразу на двух лодках втянуло? – он заинтересованно посмотрел на «Клаву».

– Куда там... Уже здесь ласточку добыл, – устало улыбнулся я.

– Да иди ты! Ничего себе, как тебе везёт! С первых шагов, и такой фарт! Это хороший знак, помяни моё слово... Ну

что, пошли в Бриндизи, Ростоцкий как раз на месте. Посёлок сразу за южным мысом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.